

Людмила Миловацкая

Без крыльев

Людмила Миловацкая

Без крыльев

«Издательские решения»

Миловацкая Л.

Без крыльев / Л. Миловацкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744553-9

«Рожденный ползать летать не может!» — гласит хрестоматийная истина. Значит, «рожденный для полета» — летает? Увы, далеко не всегда! Случается, крылья становятся обузой: красиво, романтично, да больно хлопотно — слишком они большие, слишком светлые. Одно неосторожное движение, поступок, даже мысль — и на белоснежной поверхности грязное пятно! Как же уберечь их от грязи? Разве что снять и положить их в целлофановый пакет до лучших времен. А уж каково жить без них...

ISBN 978-5-44-744553-9

© Миловацкая Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Без крыльев

Людмила Миловацкая

© Людмила Миловацкая, 2016

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-4553-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Раз-два, раз-два! – сержант не умолкал ни на минуту. Его гортанные окрики, раздаваясь прямо в голове, раскатывались в ней гулким колоколом, заглушали остатки собственных мыслей. Мелкие холодные дождинки падали на разгоряченное тело и тут же испарялись, от набухшей от воды одежды шел пар. Больше на свете ничего не было – только этот отливающий металлом голос, хлябь под ногами и разверзнувшиеся небеса.

– Еще, еще раз! Рядовой Уинксли, почему я вас не слышу? – Мэг, набрав в легкие побольше воздуха, выкрикнула слова идиотской речевки.

«И это пройдет, – пыталась она себя утешить. – Господи, неужели существует мир, где нет этого одержимого сержанта, где собственное тело не наполнено свинцовой усталостью и болью, где каждый принадлежит сам себе и может делать то, что ему вздумается»...

Еще совсем недавно Мэген думала, что все будет просто – сойдет с маршрута, как только устанет. И пусть сержант со своими ребятами сколько угодно ухмыляется! Плевать! Не умирать же на этой дурацкой пробежке!

А все Рэйн Тернер со своей системой Станиславского. Он с самого начала настаивал на том, чтобы все артисты, вживаясь в среду, принимали активное участие в повседневной жизни подразделения.

– Детка, ты должна побывать в шкуре солдата, почувствовать изнутри эту жизнь. Только тогда тебе поверит зритель.

– Зачем такой грубый натурализм? – пыталась она возразить. Но Рэйн был неумолим.

Съемки нового, пятого на счету Мэген, фильма начались недавно – две недели назад. Первым ее кинематографическим опытом в Голливуде была картина, снятая по сценарию, очень давно написанному под Дэниела. Мэген стала его партнершей почти случайно. Генеральным спонсором выступила крупная компания, работающая на красоту и здоровье. Не последним человеком там был Фрэнк Стэнли – он и посоветовал Мэген попробоваться на эту роль.

Предложение сниматься в кино казалось таким нелепым, что она всерьез об этом даже не думала. Пришла на студию, чтобы только отвязаться от уговоров. Оператор сделал крупным планом несколько кадров Дэна и Маргарет. Был он профессионалом высшего класса, сумел ухватить и передать на пленке все своеобразие, мистическое единство этой пары. Увидев отснятый материал, режиссер забыл о своих прежних планах и уже не видел другой партнерши, кроме Мэг.

– Держись, сестренка! – услышала Мэген незнакомый голос. Она и не заметила, как замедлила бег. Всякий раз, когда была готова сойти с дистанции, к ней приближался кто-нибудь из ребят и подбадривал.

«Вот еще, навязались на мою голову! Может, они из киногруппы? Впрочем, какая разница! Сколько мы уже бежим – час, день, всю жизнь?» – Желание взглянуть на часы стало непреодолимым. Попыталась засучить рукав – тщетно. Мокрый манжет намертво впился в запястье. «Черт с ним!» – Мэг глубоко вздохнула и вернулась к своим мыслям.

Кинематографический дебют прошел с ошеломляющим успехом и сразу принес им славу, деньги, новых друзей. Предложения сниматься на лучших киноплощадках следовали одно за другим. Популярность Дэна росла от фильма к фильму. Количество его поклонников во всем мире увеличивалось в геометрической прогрессии. Мэг оставалась в тени его славы, и это несколько ее не огорчало.

Решение Дэниела оставить карьеру актера многим показалось неожиданным. Трудно сказать, кого оно огорчило больше – режиссеров или поклонников. Маргарет приняла его как

должное. Знала – Дэнни привык быть лидером во всем, и в кино ему не хватало самостоятельности – актерское положение, по определению, подчиненное.

Но главное даже не это. Дэниел все больше скучал по России. Он смотрел только русское телевидение, читал только русскую прессу. Дома они встречались все реже, какими-то урывками – большую часть времени проводили на съемочных площадках, зачастую разных.

На семейном совете было принято решение распрощаться с кинематографом и переехать в Россию, в любимый обоими Питер. Впрочем, они не собирались навсегда покидать ни Америку, ни Москву. Перспектива жизни на три дома вполне устраивала и их самих, и родственников, и...

– Ох! – вскрикнула Мэген. Кто-то пребольно толкнул ее в плечо. Она оглянулась – нескладный, длинный, как макаронина, солдат, скользя по черной масляной жиже, судорожно хватался за окружающих. Ноги, в налипших грязью ботинках, разъезжались в разные стороны. Оттолкнувшись от Мэг, как от стены, парень вырвался вперед. На ходу бросил:

– Извините!

– Подлюка! – слетело с ее губ. Она невольно улыбнулась. Это было единственное крепкое слово, которое позволял себе дед Дэна. Замечательное ругательство, на все случаи жизни! В зависимости от повода, по которому произносилось, оно приобретало тысячи оттенков и всегда точно выражало степень его возмущения. Вспомнив деда, Мэг вздохнула – он был ангелом-хранителем их с Дэнни любви. Александр Иванович относился к ней как к святыне, ревниво оберегал ее от лишних взглядов и вопросов. Он старался оградить от всего, что могло положить хоть какую-нибудь тень на их безоблачное существование.

«Как давно мы не виделись! Если бы он не уехал тогда так надолго, может, ничего и не случилось бы. Наверняка ничего бы не случилось! Но все уже произошло, и ничего нельзя изменить». – Мэгги сразу же почувствовала тяжесть в груди.

«Ну вот, готово дело! Сколько можно повторять: вспоминать – себе дороже. Лучше выполнять команды сержанта – не такой уж он и противный. Его голос заполнил весь мир, вот и хорошо – в нем не оставалось места бесполезным мыслям. Раз-два, раз-два! Держи дыхание и не сбивайся с ритма».

Мэген попыталась сосредоточиться на беге. Воспоминания отступили, но лишь для того, чтобы через минуту вспыхнуть с новой силой.

Все в их жизни складывалось на редкость благополучно. С помощью старых знакомых Дэниел открыл сеть ресторанов и гостиниц в Петербурге. Как она радовалась, что мужу удалось найти свое место в бизнесе! Слухам о бурном времяпрепровождении Дэна не верила – и не потому, что боялась заглянуть правде в глаза. Ей ли не знать цену сплетням, окружающим публичных людей! О себе она тоже много чего наслушалась. В конце концов, она никогда не была ханжой и считала физическую измену не самым большим грехом. Во всяком случае, теоретически...

– Рядовой Уинкли, у вас что, зад к земле тянет? – громовой голос сержанта прервал горькие воспоминания Мэг. Он бежал рядом с ней, насмешливо глядя в лицо.

«Убила бы! Сейчас бухнусь на землю, растянусь, и никакими силами меня не поднимешь!»

– Вы молодчина, мэм! Не думал, что голливудская фифочка способна так выкладываться. Осталось совсем немного, постарайтесь ни о чем не думать, повторяйте команды, откроется второе дыхание.

«Неужели это он?! Разве голос сержанта Финстера может быть таким теплым и сочувствующим?»

– Главное – не бойтесь! Никто не знает, на что он способен! – Мэг не обернулась, на это у нее просто не было сил. Второе дыхание! Оно у нее уже открывалось через пять минут бега. За ним – третье, четвертое...

За все время ей удалось вырваться к мужу лишь однажды, и то случайно – съемочная группа была приглашена в Москву на премьеру фильма. Именно тогда она поняла: между ними произошло что-то непредвиденное, нехорошее. Нечто, почти неуловимое, чему она не могла дать конкретного объяснения, но что тревожило и печалило до самой глубины души. Так бывает после долгого теплого лета. Задует северный ветер, небо затянется серыми тучами, зарядят бесконечные дожди, и кажется тогда, что это навсегда.

Пустившись в воспоминания, Мэген совершенно забылась, сбилась с ритма и едва не упала, споткнувшись об острый булыжник.

Охнув от боли, решила: «Баста! Пора остановиться». – Она притормозила, но в это время произошло какое-то изменение. Где-то далеко впереди послышались крики «Ура!»... Итак, вместе с группой поддержки она добралась до финиша!

– Вы сделали это, ребята! Кто хочет пить – перед вами цистерна с родниковой водой! Кто неважно себя чувствует, может подойти к доктору, измерить пульс, – голос сержанта был таким же гулким, зычным, будто он и не бежал все это время вместе с ними. К Маргарет с обеспокоенным лицом подбежала медсестра:

– Вам не нужна помощь?

Мэгги хотела было померить давление, но, встретив настырный взгляд сержанта, только мотнула головой в сторону сестрички.

– Стоп, снято! Солдаты, отойдите в сторону! Артисты, немного отдыха и поправить грим! – резанул бодрый голос режиссера.

«И он еще имеет наглость командовать! Подлюка!»

– Мэм, позвольте заметить, вы не так плохи, как казались вначале, – сержант подошел почти вплотную, пристально глядя на нее прищуренными глазами. Казалось, ему хотелось еще что-то сказать, но Мэген перебила его:

– Вы слишком любезны, сэр, – резко развернулась и шагнула прочь. Ей вдруг стало неловко под этим внимательным, понимающим мужицким взглядом. Грубый окрик солдафона в строю она способна выдержать, но его жалость – нет! Это уже слишком! Какого черта все лезут к ней со своим сочувствием!

Злость на всех помогла ей справиться с неодолимым желанием плюхнуться в ближайший шезлонг и вытянуть ноги. Вместо этого Мэгги небрежно сделала ручкой ассистенту режиссера и направилась в сторону павильона. Усилие оказалось не напрасным – ее бодрое дефиле в грубых солдатских ботинках произвело на всех должное впечатление. Удивление и уважение, написанные на их физиономиях, доставили ей моральное удовлетворение:

«Да, я это сделала!» – Маргарет еще хватило сил весьма достойно дотащиться до раздевалки. Только там, закрывшись в душевой, она позволила себе заплакать. Стоя под упругими струями теплой воды, она продолжала плакать и тихо стонать. Сначала от боли и обиды, потом от удовольствия. Сколько чистой, горячей воды! Стоять вот так и ни о чем не думать! Какое блаженство!..

Глава 2

– Вот только попробуй сказать, что у тебя опять что-то стряслось и мы не сможем встретиться! Я оставила все дела, уже с час вожусь на кухне... И вообще, сколько можно откладывать! – Дэзи возмущенно кричала в телефонную трубку, прижимая ее к уху плечом, – руки были выпачканы в муке.

– Да нет, – поспешила ее успокоить Кейт, – я хотела узнать, нужно ли что-нибудь подкупить к столу?

– Ничего не надо, разве только тебе самой хочется чего-нибудь экзотического. Сладкого не бери – я готовлю десерт из ананаса по совершенно потрясающему рецепту – максимум вкуса при минимуме калорий.

– Разве такое бывает? – хохотнула подруга. – В любом случае, уже лечу!

Не успела Дэзи сделать двух шагов от телефона, он снова затрещивил. Звонила Элси, говорила тихо, почти шепотом:

– Слушай, не знаю, что делать. Филипп возвратился – вот ведь черт какой! Я так радовалась – в кои-то веки поехал в командировку. Думала, отдохну от него – три дня, да мои. А он управился с делами раньше времени и явился домой. Я ему сказала, что мы собираемся, а он, представляешь, заявляет: «Так давно твоих подруг не видел, поеду с тобой!». Я ему и программку со спортивными передачами подсунула, и пиво его любимой марки купила, а он ни в какую: «Я тоже хочу повидаться с девчонками».

– Ну что поделаешь, бери его с собой, – вздохнула Дэзи. Представив постную физиономию Филиппа, поморщилась, но все равно повторила: – Разумеется, пусть приезжает! В конце концов, телевизор он может посмотреть и у меня.

Дэзи взглянула на часы и решительным шагом направилась на кухню – дел еще невпроворот! Сегодня ей хотелось порадовать подруг чем-нибудь особенным. Она любила повозиться на кухне, но делала это лишь изредка – некогда было, да и не для кого. Дочка – малоежка, ей вообще ничем не угодишь. Не готовить же для себя одной.

Подруги уже давно не встречались с того дня, когда Мэгги сообщила о своем разводе. Неопределенное чувство вины, недовольства собой и сейчас гложет Дэзи. По-видимому, нечто подобное испытывали и девчонки – чем еще можно объяснить затянувшийся перерыв в их отношениях?

Пока в миксере взбивались сливки, Дэзи припомнила все обстоятельства последней встречи. Мэг сообщила о своем разводе с Дэнни как бы между прочим, спокойно, со странной улыбочкой на губах. Возникла тягостная пауза, такая длинная, что улыбка сошла с ее лица. Кейт заплакала, а они с Элси так растерялись... Все вдруг почувствовали себя обкраденными, обманутыми...

– Только не говори, что Дэнни бросил тебя ради какой-нибудь девчонки, – строго глядя на нее, потребовала Кейт. – Ты можешь рассказывать эту историю кому угодно, только не нам. Мы отлично его знаем, не мог такой серьезный человек в одночасье измениться. Разве что ты сама вынудила его это сделать? – Она бросила пронизательный взгляд на подругу и замолчала, поджав губы.

– Интересно, ты сознаешь меру своей ответственности перед ним, перед миллионами людей, что поверили вам, в вашу любовь; перед своими детьми? Я уж не говорю о нас, – набросилась на нее и Элси. – Ты лишила себя мужа, а нас – единственного друга – мужчину, практически брата.

– Мы всегда были на твоей стороне и примем все, что ты считаешь нужным сделать, только не обманывай себя! – хмуро сказала Дэзи. Ей хотелось поддержать подругу, но вышло

как-то не очень... Мэген выслушала эту отповедь кротко, даже не пытаясь оправдаться или возражать. Всем тогда было не по себе, и они, скомкав остаток вечера, разошлись, так толком и не поговорив. Потом у Мэген был развод, потом началась бесконечная череда съемок. В результате они не виделись уже больше года. Только перезванивались изредка, да и то больше для проформы.

Кейт уже собиралась выходить из дома, когда позвонила Элси и сообщила «радостную» весть, что с ней в гости увязался муж.

«Хорошо, что предупредила! Значит, не судьба, во всяком случае сегодня», – облегченно вздохнула Кейт.

У нее было довольно сложное положение. В последнее время с ней творились странные вещи, понять которые она не могла, и посоветоваться было не с кем. Не будешь ведь о таких вещах говорить по телефону даже с лучшими подругами. Как объяснить то, чему она не знает и названия.

«Как жаль, что с нами нет Мэген! Она уж точно поняла бы меня с полуслова. Что ж, придется еще повариться в собственном соку!»

Придя на стоянку, где была припаркована ее машина, Кейт обнаружила привычную картину. Сосед поставил свой «мерседес» так, что ни пройти, ни проехать...

– Вот паразит! – бросила она вслух. – Нарочно он, что ли, это делает! – С полгода назад этот зануда сделал предложение выйти за него замуж. Она ему отказала и сделала это, разумеется, очень и очень тактично. А он с тех пор пакостничает по мелочам. «До чего измельчали мужики!» – привычно подумала Кейт. Ясно увидела перед собой смеющиеся глаза Робби и невольно улыбнулась.

Мастерски вырулив со стоянки, Кейт облегченно вздохнула: «Времени еще много, можно не гнать машину и спокойно пообщаться с Робертом». Взглянула в зеркальце на правый угол заднего сиденья.

«Да, он на месте». – Мысленные беседы с невидимым другом уже давно ее не пугали. Общение с ним вошло в привычку и доставляло массу удовольствия. Нет-нет. С головой у нее все было в порядке, никаких призраков она не видела. Просто иногда Роберт был так близок в мыслях, что она без труда могла представить его рядом. Так почему бы ему сейчас не сидеть в правом углу заднего кресла?

Роберт был интересным собеседником, больше слушал, чем говорил. Его суждения всегда были взвешены, трезвы. Иногда это были откровения, о которых прежде она и не задумывалась.

«Ты очень помудрел с тех пор, как умер», – Кейт невесело усмехнулась про себя и тут же взглянула на его место. Робби промолчал. Строго говоря, умершим его никто не видел. Ни его, ни других членов экипажа...

Три года назад Роберт Моллз отправился в небольшое путешествие на яхте своего давнего приятеля. Хозяин судна Виктор Эйбош решил отметить свою помолвку в океане. Кейт тоже была приглашена на эту прогулку, но не смогла выбить отпуск у своего шефа. Роберт был готов отказаться от соблазнительного предложения, она уговорила не делать этого. Виктор и его невеста, хорошенькая, чем-то похожая на Мэг девушка, были ей симпатичны. Первые два дня они связывались по телефону, потом связь прекратилась. В тревоге и сомнениях минули две недели. Кейт ломала голову, почему от Робби нет известий. Позвонить ему сама почему-то не решалась. Почти случайно, из новостей по телевизору, узнала, что яхта «Виктория» со всеми пассажирами пропала. Была-была на радарх порта – и вдруг исчезла. По прошествии положенного времени экипаж и пассажиров яхты стали считать пропавшими без вести.

Чего она тогда только ни передумала! Яхта напоролась на рифы или попала в жестокий шторм? Может быть, пираты? Захватили судно, а пассажиров высадили на необитаемый остров? Или террористы... А что?.. В принципе, такой вариант тоже имел право на существование – Роберт и Виктор года три работали над закрытой темой, что-то в области электромагнитных полей.

Как бы то ни было, Кейт не покидало чувство вины: может, будь они женаты, все сложилось бы по-другому? Почему она упрямо не хотела признаться себе, что Робби – самый лучший, главный в ее жизни мужчина? Зачем она так долго тянула со своим решением выйти за него замуж?

Со временем боль утраты ушла. Нет, не ушла, а как-то притупилась.

Всех своих знакомых, претендентов на хоть сколько-нибудь близкие отношения, Кейт невольно сравнивала с Робби, и сравнение это всегда оказывалось в его пользу. Собственно говоря, она так и не свыклась с мыслью о его гибели.

«Скажи, ты жив?» – спросила она в тысячный раз. Роберт в тысячный раз промолчал.

Глава 3

В воздухе не спеша проплывают разноцветные рыбки. Их удлиненные, с идеально плавными контурами тела расцвечены всеми цветами радуги. Одна из них проплыла совсем близко и чуть не запуталась в волосах. Джейн, почувствовав ее бархатистую поверхность, невольно отмахнулась. Рыбка покосилась на нее золотистым круглым глазом и метнулась прочь, отливаясь всеми оттенками глубокого зеленого цвета. Какая красота, тишина, покой вокруг...

Вдруг откуда-то сверху зычным колоколом прозвучал грозный голос. Она не хотела его слышать, заткнула уши руками, подождала немного. Но кто-то принялся трясти ее и отстранять ладони от головы.

– Джейн, опять ты за свое!

Джейн сидела с зажмуренными глазами и мотала головой. «Интересно, кто это кричит таким грубым голосом?.. Наверное, это огромная бочкообразная рыбища, у нее еще такие противные оранжевые полосы на жирных боках». Джейн осторожно приоткрыла один глаз – в волнообразном мареве раскачивался, то увеличиваясь, то уменьшаясь, какой-то человек. Раскрыв оба глаза, девушка почти ясно увидела Роберта. У него было недовольное лицо.

– Джейн, ты же обещала. Через два часа выступление, а ты не стоишь на ногах! Речел твердо сказала, что больше не потерпит твоих выходов и выгонит тебя из труппы. Ты этого добиваешься? Что ты на этот раз пила? Ну, отвечай! – Джейн его не слушала, потому что была сосредоточена на другом: ей никак не удавалось собрать губы, расплывающиеся в широкую улыбку.

«Робби, какой он все-таки милый! Делает вид, что сердится, а на самом деле любит меня», – Джейн попыталась произнести эту мысль вслух. – Зачем ты злишься? – получилось не слишком внятно, но она была уверена – Робби ее поймет. – Иди ко мне, здесь хорошо, здесь синее солнце, рыбки – тихие и невредные. Иди, не бойся... Давай руку.

Роберт, слушая несвязные звуки подруги, вытирал платком слюнявую пену с ее искусанных губ и судорожно соображал: «Что делать?» Потянулся за телефонной книжкой и на секунду ослабил объятия – девушка сразу же плюхнулась на подушку, все так же разводя перед собой руками.

– Кто бы сейчас в тебе узнал свою любимую артистку? – с упреком спросил Роберт. Вопрос повис в воздухе...

По правде говоря, глядя на нее и в лучшие времена, мало кто мог предположить, что она – солистка известнейшего танцевального коллектива. С ее-то ростом – чуть ниже среднего. Но в танцах ей не было равных. Неподражаемая пластика, обостренное чувство ритма, живое лицо – только на сцене и увидишь ее скрытый темперамент. А в обычной жизни... Кажется, что она спит на ходу. Даже ее «подружкам» неинтересно затевать интриги. Джейн просто не реагирует на их уколы.

Роберт размышлял не спеша, ждал, чтобы действие дури хоть немного ослабело.

Вспомнилось, как в первые же дни их прихода в коллектив с Джейн пытались проделать старинную подлянку – перед самым выходом на сцену оставили ей туфли на одну ногу. Она станцевала так, будто ничего не заметила, а узнав, кто это сделал, просто взглянула на шутницу. Вечно отсутствующее выражение ее лица на миг сменилось жалостно-насмешливым. Получилось так выразительно, что затейница, побледнев, отшатнулась, как от пощечины. У бедняжки с тех пор пропала охота к подобным шуткам. Сейчас Джейн обращалась со своей обидчицей так же, как и со всеми – вежливо-равнодушно. Она может себе это позволить, ведь во многом благодаря ей коллектив приобрел славу лучшего коллектива штата.

Достав из кармана пиджака небольшую плоскую флягу, Роберт сделал несколько глотков бренди.

С усмешкой произнес вслух: – Чудная парочка – алкоголик и наркоманка! – Взглянул на часы: «Ого! Пора что-то предпринимать. Сказать Речел, что Джейн заболела, пусть подыщет ей замену? Речел трудно провести, но деваться некуда – Джейн не транспортабельна». С тяжелым сердцем Роберт набрал номер телефона. Ему повезло, Речел не оказалось на месте, к телефону подошел администратор группы Терри. Он, как и все, знал о проблеме солистки, но относился к ней с сочувствием – сам когда-то прошел через наркотический мрак.

– Терри, дружище, Джейн не сможет сегодня выйти на сцену, то есть никак. Если можешь, найди ей замену.

– Можешь не беспокоиться, кого-нибудь подберем. Но учти, если Речел почует неладное, она не даст спуска ни ей, ни тебе. Согласись, кому нужна звезда, если она в любой момент может подвести. Стабильная посредственность лучше ненадежного таланта.

Роберт молча кивнул головой трубке и некоторое время держал ее в руках, слушая частые гудки отбоя. «Господи! Что же делать?»

– Джейн, будь умницей, встань и умойся. Пойдем, я тебе помогу. – Девушка посмотрела на него преданными глазами, засуетилась. – Не спеши, обопрись на меня. Сейчас умойся, выпьем крепкого чая, – увещал Роберт.

На полдороге к ванной Джейн остановилась и обняла его:

– Как ты меня терпишь? Брось меня... Так я скорее сдохну... Мне не выкарабкаться...

– Прекрати молоть чепуху! Мы справимся. Приводи себя в порядок, и отправимся к Стиву, у него сегодня дежурство.

– Он сказал, что не примет меня в следующий раз, потому что не видит желания бросить эту заразу. А у меня есть, есть желание... Ты мне веришь?

– Ну, разумеется, иначе зачем бы я с тобой возился?!

Пока подруга пила чай, Роберт прокручивал в голове возможные варианты. Остановился на не раз проверенном – вызвать врача на дом.

В ответ на просьбу Роберта док коротко бросил:

– Приехать не могу, у меня куча посетителей, привози ее сам.

Не теряя больше времени, он подхватил Джейн под руку и направился к выходу. Та, перестав улыбаться и пускать пузыри, смотрела отрешенно и спокойно. «В таком виде она хотя бы дойдет до такси, благо, под боком стоянка».

Глава 4

Почти всю дорогу в такси Джейн проспала. Клиника, в которую они сейчас ехали, была дорогим, можно сказать, элитарным лечебным заведением.

Именно там они с Джейн и познакомились.

Роберта доставили сюда с места крушения военного корабля «Стремительный». Телесные травмы были не значительны, а со стороны психики – явная проблема. Чуть позже в отделение привезли еще одного моряка с таким же диагнозом – частичная потеря памяти.

Физическое здоровье пациентов быстро пошло на поправку, другое дело амнезия. Морячкам никак не удавалось вспомнить, кто они и откуда.

Свое имя Роберт вспомнил вдруг, благодаря Джейн. Врачи посчитали это хорошим признаком. В результате многочисленных тестов были установлены национальная и профессиональная принадлежности Роберта. Ему сказали, что он – американец и ученый, скорее всего технарь. Первое утверждалось со стопроцентной уверенностью, второе – «с наибольшей степенью вероятности». Время показало, что эти предположения оказались верны. Более того, его профессиональные навыки ничуть не пострадали. Знания в области теоретической физики оказались настолько глубокими и обширными, что удивили специалистов. Никто из них, тем не менее, не решился предложить Роберту работу.

– Что бы я без тебя делал, малышка? – поцеловал в лоб дремавшую на его плече девушку.

– Уже приехали? – открыла глаза Джейн.

– Почти.

Вопреки своим грозным предупреждениям, Стив принял их любезно. Устроив Джейн в специально оборудованную палату, пригласил Роберта в свой кабинет.

– Выглядишь усталым. Много работы?

– Куда там! Спасибо Джейн, устроила охранником в свой курятник, я и этому рад.

– Быть охранником в театре – совсем не так уж плохо. Сейчас трудно найти работу...

– ...и нормальным парням, а уж в моем положении... – с горькой усмешкой продолжил Роберт.

– А что же наш высокопоставленный друг? Не получал от него известий?

– Нет. Дважды приезжали люди из его аппарата и деятели из института Высоких Энергий. Просили заполнить какие-то анкеты, тесты. На днях из департамента пришло уведомление, что в ближайшее время сделают вызов в страну. Посмотрим, что из этого выйдет.

– Да, кто бы мог подумать, что славный военный морячок окажется такой важной персоной. Но как он нас всех провел! Так убедительно изображал потерю памяти. Даже Эд Берджин, наш ведущий психиатр, ему поверил. А что с твоей памятью?

Роберт молча покачал головой. Всякий раз, когда речь заходила о его прошлом, у него начинало болеть все внутри, даже зубы.

– Ну-ну... На самом деле это не так и важно. В Америке сейчас такие дела, что медицински освидетельствованная амнезия весьма удобная вещь. По правде говоря, многие из нас хотели бы вычеркнуть из своей памяти некоторые эпизоды жизни.

– А что с Джейн? Почему ей так плохо? Я точно знаю, что она начала принимать эту дрянь совсем недавно, и то, по указанию врача. Как он мог прописать такое обезболивающее? Это же чистой воды наркотик! А ведь травма ноги была не такой уж страшной!

– Джейн сама просила дока выписать что-нибудь по сильнее, чтобы поскорее выйти на работу. Кто знал, что все так обернется... И что ей нейдет! Красавица, талантливая танцовщица... Работает не в каком-нибудь вонючем кабаке, а в уважаемом мюзик-холле. Для скольких американок такое положение показалось бы завидным! Что она мечется, чего ей не хватает? – Взглянув на часы, Стив поднялся. – Ну ладно, пойду проведу ее. Процедура

несложная, но все-таки... А ты посмотри пока телевизор, выпей кофейку. – Достав из запертого ящика пузатую бутылку, подмигнул: – И немного спиртного! Я на дежурстве, а тебе не повредит!

Роберт налил в стакан немного бренди и откинулся на мягкую спинку кресла.

– Да, несколько минут отдыха мне точно не помешают.

«Высокопоставленным другом» Стив да и все здесь, в клинике, называли Александра, принца небольшого процветающего дальневосточного государства. А ведь всего два месяца назад его принимали за простого морячка. С ним было легко общаться, хотя, в результате травмы головы, тот не только потерял память, но и способность видеть.

Правда, врачи сразу сказали, что проблемы со зрением – явление временное, так же, впрочем, как и амнезия. Моряк сносно говорил по-английски. Они часто подолгу разговаривали, вместе читали прессу, слушали радио. Иногда к их компании присоединялась сиделка, симпатичная приветливая девушка, Джейн Смит. Роберту нравилось смотреть на ее лицо. Глаза, улыбка, жесты казались ужасно знакомыми. Однажды в разговоре он машинально назвал ее Маргарет. Тут же вспомнил: так зовут подругу его возлюбленной – Кейт, а он сам – Роберт Моллз, американец, ученый, ведущий сотрудник института Высоких Энергий.

Стив, вернувшись из процедурного кабинета, снова поставил чайник.

– Устал как собака! Работаю вдвое больше, чем раньше, а зарабатываю гроши.

– Как говорил наш Александр: «Не дай Бог жить во время перемен!»

– Скажи честно, ты знал, что он выдумал свою амнезию?

– Скорее, догадывался.

– И он ни словом не обмолвился о своем истинном положении?

– Нет.

– Странно, ведь вы были почти неразлучны! Как к вам ни придешь – сидите у его постели.

– Алексу, с повязкой на глазах, было трудно перемещаться по просторной палате.

– А что, Джейн поддерживает с ним связь?

– Нет, запретила даже упоминать о нем.

– Гордая девочка! А у них ведь что-то было! Точно говорю! Не зря она торчала у его постели целыми днями! С другой стороны, он ведь ее почти не видел!

– Зато ясно ощущал. Обычно Джейн подсаживалась на краешек постели Алекса, он брал ее пальцы в свои... Она рассказывала всякие пустяки, иногда пела – у нее чудесный, «серебристый», по определению Алекса, голосок.

– В вашей палате всегда было уютно. Даже свет в ней был каким-то особым.

– Это из-за портьер, их не раскрывали ни днем, ни ночью. Алексу был противопоказан яркий свет. Плюс всегда живые цветы и свежие фрукты на столе, плюс общество очаровательной девушки. Джейн удавалось создать атмосферу домашнего уюта.

– В таких условиях и я был бы не прочь поваляться в госпитале. Порой, каюсь, даже завидовал вам. В этом сумасшедшем мире, с его революциями, политическими играми, погоней за деньгами, только вы и выглядели настоящими, нормальными людьми. Все остальное казалось вымышленной, наведенной кем-то недобрым иллюзией.

– Да, нам было действительно очень хорошо. Джейн всегда приносила что-нибудь вкусное, иногда выпивку. Сама заваривала на английский манер чай. Рассказывала последние политические сплетни. Удивительно, насколько верны были ее комментарии происходящего. Практически все прогнозы Джейн в плане развития событий в стране сбываются со стопроцентной точностью.

– Почему же удивительно? Джейн – девушка неординарная. Девять против четырех – она тоже много чего скрывает, включая свое настоящее имя. Поверь, у меня нюх на такие дела. – Док залпом выпил остывший кофе. – Так ей не удалось познакомиться с Александром?

– Нет. Джейн пришла, как всегда, часам к двум, а за Алексом приехали с самого утра.

– Жаль! Впрочем, вряд ли ее допустили бы к Александру! Шухер в госпитале был еще тот!

– А вам, администрации госпиталя, сообщили, кто ваш пациент?

– Официально – нет. Но все эти военные шишки обращались к морячку с таким почтением. Тут уж и дураку ясно: наш больной – птица высокого полета. К тому же, согласишься, трудно сохранить инкогнито, обладая яркой внешностью сохалинца. – Роберт промолчал. До недавних пор он и понятия не имел, что существует такое королевство. Америка, Россия, Япония, еще сотня стран – да. Королевство Соха – нет. Вероятно, память возвращалась к нему как-то очень уж избирательно.

– ...Плюс специфический выговор, плюс просочившаяся в прессу информация о разбитом военном корабле с принцем на борту, – продолжал говорить Стив.

– Но ты-то, надеюсь, успел попрощаться с Александром?

– Да. Он сам зашел в мою палату и шепнул: «Поправляйся скорее! Как только улажу свои дела, вызову к себе! Жди!»

– Что ж, это уже кое-что. Говорят, королевское слово – дорого стоит!

– Он – всего лишь принц.

– Какая разница! Вот увидишь, он свое слово сдержит!.. А вот и наша красавица, – остановился док. Джейн была бледна, но вполне адекватна. – Смотри, я приготовил тебе целую пропасть лекарств. Обещай, что будешь умницей, принимай их вовремя. А про обезболивающее свое забудь! В нем давно нет нужды!

Глава 5

– Ну, наконец-то! Здравствуй, дорогая, – целовала подругу Дэзи. – Проходи скорее! Дай-ка посмотреть на тебя! Слушай, ну ты так похорошела! Помолодела, постройнела. Рассказывай – кто он?

– Ты одна?

– Софи в своей комнате занимается, а Элси недавно звонила, сказала, что немного задержится.

– Вот и хорошо. Мне надо кое-что сказать тебе. Надеялась посоветоваться с вами обеими, но с Филом, сама понимаешь.

– Что случилось? – недоуменно уставилась на нее подруга.

– Ты, главное, не волнуйся! – усмехнулась Кейт. – Присядем. – Дэзи послушно опустилась в кресло.

– Как, по-твоему, я похожа на сумасшедшую?

– Не больше, чем каждая из нас.

– Спасибо. Ты помнишь Роберта Моллза, я с ним встречалась года три назад?

– Еще бы! Ты чуть не выскочила за него замуж. Он ведь потом погиб?

– Нет. Робби считается без вести пропавшим. Так вот, с недавних пор я стала явно ощущать его присутствие. Да не пугайся ты так! Слушай!

– Да ничего я не испугалась. Просто ты ничего такого не говорила.

– Ты приготовила аперитив?

– А? Ну да, конечно!

– Вот и наливай – тебе легче будет слушать, а мне говорить.

Глядя в окно и помешивая лед в высоком стакане, Кейт начала свой рассказ.

– Впервые я его почувствовала, когда летела в самолете. Сидела себе, спокойно дремала, потом ощутила тепло с правой стороны, инстинктивно отодвинулась. Подумала: наверное, сосед заснул и нечаянно наклонился. Тут же вспомнила, что соседнее кресло свободно, и открыла глаза. Да, кресло было пустым, а ощущение тепла, как от рядом сидящего человека, осталось и даже усилилось. И тепло это было особенным, приятным. Так ощущаются только очень близкие люди. Почему-то я сразу подумала о Роберте.

– Естественно, ты ведь никогда о нем не забывала.

– Да, наверное. Но только с того дня моя жизнь изменилась. Робби снова вошел в мою жизнь так, как если бы он был жив и находился в длительной командировке. Я часто его вижу во сне и всегда разным: одежда, возраст, даже цвет волос меняется. Но я узнаю его в любом облики. Чаще всего вижу его офицером морского флота.

– И это понятно. Он ведь погиб... Прости, исчез в океане. А ты? Ты бываешь с ним в этих снах, говоришь с ним?

– И да, и нет.

– Как это?

– В этих снах я – не совсем я. Понимаешь?

– Честно говоря, нет!

– Ну, я ощущаю себя как бы со стороны.

– Все равно, не очень понятно. Расскажи, для наглядности, хоть один сон.

– Ну, вот, к примеру, не раз повторяющийся, – прищурилась на свет настольной лампы Кейт. – Мы с Робби танцуем на костюмированном балу. Кругом полно людей, почти все они мне кажутся знакомыми... Точно не помню, но вроде и вы с Мэгги там были, тоже немного другие и сами по себе. Мы почти не говорим. И не потому, что не хочется или не о чем говорить. Просто все мы – отлично друг друга понимаем без слов. И музыка, и танцы какие-то осо-

бенные, наполненные смыслом, радостью... Мы все словно растворяемся в них и понимаем, доверяем, любим друг друга. Утром просыпаюсь от боли и судорог в ногах. Весь следующий день они гудят так, будто я действительно всю ночь танцевала.

– Подсознание дает сигнал о неладах в периферическом кровоснабжении! Надо сделать венографию! – сделала озабоченное лицо Дэзи.

– При чем тут периферические сосуды! Если где и есть нелады, так вот тут, – Кейт небрежно постучала себе по голове. – Понимаешь, я вижу картинки из обычной жизни Робби, и они так красочны, так яркие, что кажутся реальнее жизни. Иногда просыпаюсь и не вдруг понимаю, где сон, а где явь. Я всегда заранее знаю, когда он приснится. В такие вечера становится как-то по-особому тепло и уютно, а потом все тело охватывает легкая вибрация. Иногда это длится минуты, иногда – часы... Порой просыпаюсь от этого ночью. Те дни, когда я не испытываю этого ощущения, кажутся мне потерянными. Ценности сместились, эта новая тайная жизнь стала для меня главной.

– Понять это так, с ходу, нелегко, – осторожно высказалась Дэзи. Про себя же подумала: «Бедняжка! Она слишком долго держала в себе боль утраты жениха – это могло повлиять на психику самым неблагоприятным образом». Спросила без нажима:

– Может, стоит обратиться к специалисту?

– Ты имеешь в виду психиатра? Сама подумай, что он мне может посоветовать? Дать снотворное?

«Действительно, что ей может сказать незнакомый человек. Будет грузить бестолковыми тестами, надумает маниакально-депрессивный синдром, напишет какую-нибудь статейку»... – Дэзи чувствовала себя совершенно беспомощной.

– По крайней мере, ты могла бы поговорить со своим учителем.

– С бывшим учителем, – уточнила Кейт. – Ты ведь знаешь, я давно отошла от эзотерики.

– А что, если пойти в церковь?

– Это первое, что я сделала. Помнишь, полгода назад я отправилась в путешествие по Европе?

– Ну да, ты рассказывала – Греция, Италия...

– Я не рассказала тебе самого главного. Не могла, не хотела говорить о таких вещах по телефону. Так вот, это была паломническая поездка по монастырям. Накануне я увидела по телевизору сюжет, как монахи древнейшего греческого монастыря лечат одержимых.

– Кейт!

– Да-да! Не буду рассказывать подробности, это не для слабонервных. Но, имея какой-никакой медицинский опыт, могу засвидетельствовать: люди получали там реальную помощь. Отец Ювеналий сам отбирал нуждающихся в исцелении. Ну и взгляд у этого монаха! И сейчас мурашки по телу! Среди огромного количества страждущих – в тот день нас было человек тридцать – он отобрал двоих. Это были люди с явно расстроенной психикой. С остальными отец Ювеналий просто поговорил. Представляешь, всего несколько слов – и каждый из нас почувствовал огромное облегчение.

– А что он тебе сказал, если не секрет, конечно?

– Сразу сказал, что это не то, чего я опасаясь.

– То есть?

– Ну, не одержимость... – сделала неопределенный жест рукой Кейт. – Посоветовал почаще ходить в церковь, больше быть на свежем воздухе и... завести мужа или постоянного друга.

– мудро! Ни добавить, ни убавить. Главное, вреда точно никакого не будет! – осушив до дна свой стакан, Дэзи откинулась на спинку кресла, сложила руки на груди и уставилась в потолок. – Итак, что мы имеем? По заключению компетентного специалиста, ты – не одержима. Насколько я понимаю, именно это для тебя самое главное!

– Ты поняла меня правильно, – без улыбки подтвердила Кейт.

– Заниматься практикой и применять эзотерические знания ты не хочешь?

Подруга решительно тряхнула головой.

– В таком случае я как врач и как твоя подруга могу только повторить рекомендации монаха: свежий воздух и секс. Первого побольше, второго в умеренном количестве... Нет? Тогда не знаю! А ты-то что сама обо всем этом думаешь?

– Мне кажется... нет, я уверена, что Робби жив, но не имеет возможности связаться со мной.

– Трудно себе представить место, из которого нельзя прислать весточку, – выразила сомнение Дэзи. – Разве что на необитаемом острове?

– На самом деле возможны разные варианты.

– Например?

– Он находится в коме, а часть сохранившегося сознания устремлена к привычному и дорогому.

– Да, такое возможно. В научной литературе попадались такие материалы.

– А может, и другое...

– Кейт, не тяни! Говори все, что думаешь!

– Не могу отвязаться от мысли, что он находится в ином мире. Помнишь, я посещала лекции по астрофизике? Так вот, я попыталась взглянуть на происходящее с этой точки зрения. Подняла свои записи, прочитала еще кой-какую литературу. Основываясь на некоторых положениях квантовой физики, можно сказать, все выходит очень логично.

– Что именно ты имеешь в виду?

– Видишь ли, недавно я узнала некоторые подробности об обстоятельствах гибели яхты. В районе ее предположительного нахождения прошел сильный шторм. Но главное не это. Военные зафиксировали в том районе сильнейшие электромагнитные возмущения атмосферы неизвестного происхождения. Понимаешь?

– Феномен «Филадельфии»?

– Нечто в этом роде. По странному совпадению, Роберт и Виктор работали в области космических технологий именно в этом направлении. Мы мало об этом говорили. Но если собрать воедино то немногое, что Робби говорил о работе, можно предположить, что они работали над созданием антигравитационного двигателя. Насколько я понимаю, речь идет об использовании естественных электромагнитных полей земли и внеземного пространства. Вот я и подумала, что если пассажиры корабля попали в какую-нибудь электромагнитную ловушку или, как там ее, заварушку, их выбросило в иное измерение и...

– ...И там есть такой же или похожий на наш Мир, – задумчиво продолжила Дэзи. – Альтернативная Реальность, как у Ричарда Баха?

– Да. И все последние события, ощущения – это соприкосновение с ней.

– То есть твои сны – проекция, отражение той Реальности в доступном тебе виде... – так же медленно, будто сама себе, проговорила Дэзи. Немного помолчав, взглянула на подругу ясными глазами. – Знаешь, а мне эта версия нравится! Я, конечно, не специалист и мало чего знаю. Но... Недавно мы с Софи по телевизору смотрели передачу для школьников.

– Эх ты меня! – невольно рассмеялась Кейт.

– Напрасно ты смеешься! Да, рассказ адаптирован для старшеклассников, но что толку от высокоумных слов и сложных терминов, если ты там ни черта не понимаешь! Я всегда считала: чем умнее человек, тем яснее он может высказать любое, даже самое сложное понятие.

– Согласна! Кто ясно мыслит, тот ясно излагает!

– Именно! Ну, так вот, в передаче принимали участие ведущие астрофизики со всего мира. Если бы ты слышала, что они говорили! Фантастика! Но главное, как они говорили – внятно, четко. Приводились данные научных экспериментов, убедительные факты наблюде-

ний. Весь материал был так хорошо проиллюстрирован, что даже мы с Софи кое-что поняли о теории М-пространства. Ты наверняка это знаешь.

– Феномен одиннадцатого измерения? Теория имеет право на жизнь, как и десяток иных версий.

– Вот и прекрасно! А у тебя что, есть еще варианты в запасе? Ты знаешь, я не склонна фантазировать, но к аргументированному мнению известных ученых отношусь с уважением. По крайней мере, это лучше, чем какая-нибудь мистика! И не спорь!

– Я и не спорю! Согласна с тобой в общем и целом!

– То-то! Мы с Софи потом немного поговорили об этом. Я сейчас ее позову...

– Здравствуй, милая, – обняла девочку Кейт. – Какая же ты хорошенькая!

Очевидно, Дэзи успела по пути объяснить дочери суть проблемы. Вежливо улыбнувшись на комплимент, Софи начала без всякой подготовки:

– Согласно М-теории, наш трехмерный мир лишь один из многих в пакете таких же или более сложно устроенных миров, занимающих одно и то же пространство, но в разных измерениях. С одной стороны, мы близко, рукой подать. С другой стороны, чтобы попасть туда, используя современную космическую технику, понадобятся миллионы световых лет.

– Это ты все с одного раза запомнила? – удивилась Кейт.

– Нет, конечно. Но об этом давно известно – и фильмов столько снято! А мультиков еще больше! – укоризненно посмотрела на Кейт девочка.

– Прости, я тебя перебила...

– Представьте себе толстую книгу, – менторским тоном продолжила Софи. – Чтобы попасть с первой страницы, предположим, на трехсотую, надо долго листать ее, страницу за страницей. А можно проткнуть все листы одним движением и оказаться там, где надо! – Дэзи, кивая головой и поддакивая, с обожанием смотрела на дочку.

– У меня хорошая подборка статей на эту тему. Хотите посмотреть?

– И ты в них все понимаешь?

– Очень мало. Но наш преподаватель физики говорит, что надо читать научную литературу, даже если не слишком понимаешь смысл. Привыкаешь к новым терминам, а в голове все равно что-нибудь да отложится. Между прочим, он – настоящий ученый, а в школе работает для того, чтобы привить молодым людям интерес к научной работе. Я уже записалась к нему на факультативные занятия, мне хотелось бы стать астрофизиком. Ну, я пойду к себе?

– О! – растерялась Кейт. – Вот где настоящая фантастика! А я тут со своими снами. Даже неловко!

– Да, удивительное рядом.

– Как странно, как неправильно мы живем. Так мало и редко общаемся! Я и не подозревала, что Софи такая умница. Она просто уникальный ребенок!

– Да что ты! Они сейчас через одного такие. Поглядишь – дети как дети, слышала ведь – фильмы, мультики. А иной раз такое выдают! Ты вот приходи, когда у нее одноклассницы бывают, и не такое можешь услышать! Параллельные миры – это так, – сделала пренебрежительный жест Дэзи, – можно сказать, пройденный этап.

– Итак, каким будет наш вывод? – раздумываясь Кейт подлила в стаканы вина и уже совершенно спокойно уселась в кресло.

– Резюме. – Дэзи приподняла свой бокал и выпила его, будто давно и сильно жаждала. – На сегодняшний момент мы знаем слишком мало о мироустройстве вообще и о себе самих в частности. Так?

– Так! – с таким же удовольствием выпила свое вино Кейт.

– Может ли это означать, что временно непознанное нами вовсе не существует?

– Разумеется, нет! – с шуточной серьезностью ответила подруга. – Если я не знаю принцип устройства двигателя внутреннего сгорания, это не значит, что я не верю в его существование и не могу его использовать.

– Логично! Итак, берем за основу рабочие версии: Робби жив и пребывает в состоянии комы на нашей грешной земле либо обитает в некоем одиннадцатом измерении. Так или иначе, все это должно как-то разъясниться или бесследно пройти.

– Дэзи! Если бы ты знала, как помогла мне! Гора с плеч! Быть понятой – такое счастье!

– То-то! Надо всегда оставаться оптимистами! И вообще, если хорошенько постараться, во всем можно найти положительную сторону.

– Только не в моем случае...

– А разве не благодаря всем этим чудесам ты так похорошела? Скинула килограммов пять, а с ними и десяток лет. Какие, говоришь, тебя вибрации охватывают? Прошу, поделись опытом с товарищами.

– Дэзи, ты – чудо!

– Я это знаю! Жалко, что не все это еще понимают. Впрочем, кто не понимает...

– ...Тот сам дурак! – закончили сакраментальную фразу подруги, обнимаясь и смеясь.

– О! Звонят! Это Элли! – встrepенулась Дэзи. – Спрячь бутылку! Ты ведь знаешь Фила! Скажет: вот наклюкались, не дождавшись гостей...

– Что ж, он нас не знает?

– Знает – не знает! Подумать может всякое! А у меня, как назло, от умных разговоров на голодный желудок голова закружилась.

– Зря ты так волнуешься! Мы же выпили совсем немного! По мне что-нибудь заметно?

– Нет!

– По тебе тоже! Ты только сделай лицо посерьезней...

Глава 6

Распахнув дверь настежь, Дэзи сделала приглашающий знак рукой. Едва гости зашли в прихожую, бросилась их обнимать. В руках Филиппа была корзина с фруктами и цветы, но он не растерялся, обнял и расцеловал хозяйку с видимым удовольствием. На удивленный взгляд Кейт Элси только пожала плечами.

Придя на кухню, Элси принялась снова оправдываться:

– Не знаю, что и думать, сам напросился в гости, сам проявил инициативу с цветами, фруктами. Еще и для Софи что-то там подобрал. К чему бы это?

– Полно тебе! Пришел и пришел, будет кому шампанское открыть.

– И вы сегодня какие-то... Выпили уже, что ли?

– Скажешь тоже! – хмыкнула Кейт.

– Пошли к столу! К столу! Софи! – позвала Дэзи дочку. – Поешь с нами, а потом будешь заниматься.

– Наконец-то мы встретились! Даже не верится! – с чувством произнесла Элси.

– Да, не хватает только Мэген.

– Выпьем за нас! – подняла бокал Элси.

– За всех нас вместе, – уточнила Дэзи.

Несмотря на то, что они так долго не виделись, разговор не клеился.

Возбуждение Кейт и Дэзи улеглось, сменившись сонливостью. Присутствие Софи и Филиппа оказалось очень кстати. Хозяйка не пожалела для гостя дорогой французский коньяк, припасенный вообще для другого человека. Фил это оценил. Когда вопросы о школьных занятиях, о новых друзьях в классе и о прочей, ничего не значащей ерунде были исчерпаны, наступила неловкая пауза.

Филипп предложил:

– Софи, я купил тебе совершенно потрясающую игру для компьютера. Если хочешь, помогу тебе с ней разобраться.

Элси, прислушиваясь к звукам из соседней комнаты, не переставала удивляться – она решительно не узнавала мужа. Мягким, приятным голосом он терпеливо и спокойно объяснял девочке одно и то же по несколько раз кряду.

– Если бы Фил был таким с сыном, – невольно вздохнула Элси. – Обычно его терпения хватает не больше, чем на десять минут. А потом, как ошпаренный, выскакивает из комнаты и вопит: тупица, бездарь, лентяй! Просто не знаю, что делать...

Дэзи, кивнув головой в сторону комнаты Софи, тихо произнесла:

– Может, вам стоит завести девочку?

Элси фыркнула и неожиданно покраснела:

– Только этого мне не хватало! А кто знает, где сейчас Мадж? – поспешила поменять она тему.

– Я звонила ей домой, Тина ответила что-то нечленораздельное, – махнула рукой Дэзи.

– Мэг и сама могла объявиться, если захотела бы. Наверное, ей уже давно не до нас. Что ни говори, после развода она очень изменилась.

– Да, по существу, она стала другим человеком. Может, потому и Тина не хочет с нами разговаривать, – подавляя зевоту, включилась Кейт. – Надо кофейку заварить.

– Уже несу! – спохватилась Дэзи.

После двух чашек превосходного кофе Кейт заметно оживилась.

– Я ведь недавно приезжала к дому Мэг, хотела порасспросить о ней, повидаться с Сэнди. Тина меня даже в дом непустила: окинула своими глазищами, процедила что-то сквозь зубы

по-испански и захлопнула дверь перед самым носом. Я на слух даже записала ее слова, чтобы перевести потом.

– И что же она сказала? – прозвучал насмешливый голос Филиппа.

Подруги не заметили, когда он вернулся к столу.

– Ну, она выразилась в том смысле, что американки не умеют ни любить, ни дружить, – проговорила не спеша Кейт, явно смягчив слова самой рьяной поклонницы Мэг.

– Наверное, она считает, что мы бросили ее хозяйку в беде, – усмехнулась Элси.

– А разве она не права? Я ведь тоже чуть не поверил, что на свете существует женская дружба. А сейчас смотрю на вас, слушаю – кишка у вас тонка для настоящей-то дружбы, уж простите меня за откровенность.

– Ну, завелся! – попыталась уgomонить его Элси.

– Почему же, пусть выскажется, – зло сощурилась на него Дэзи. Она совершенно протрезвела и теперь пребывала в обычной, боевой форме. – Что крамольного в том, что мы называем вещи своими именами?

– Какие вещи, какими именами? Что вы вообще знаете, чтобы осуждать ее? Подруги... – Филипп, глотнув коньяку, откинулся на спинку кресла. – А знаете, я всегда завидовал вашей дружбе, даже злился – не каждый мужик может похвастаться такими отношениями. Мне Бог не дал друзей, потому что я – эгоист. Ладно... Но что такое дружба, и я понимаю. Это когда весь свет от тебя отвернется, только не друг. Он тебе верит без объяснений, принимает таким, какой ты есть. Прав ли, виноват ли друг, твое дело – вовремя подставить ему свое плечо.

Как ни неприятны были слова Филиппа, возразить было нечем. Слава Богу, они никогда не были упертыми гусынями и умели признавать свои ошибки. Все почувствовали нечто вроде облегчения.

– А вы предали ее в самый трудный период жизни. Вы, друзья, выступили в роли судей. «Ах, подумайте, она предала высокие чувства», – передразнил он противным тонким голосом Элси. И продолжал говорить, глядя только на нее: – Не нужно быть очень тонким человеком, чтобы понять, Мэген – не из сильных женщин. До сих пор удивляюсь, как она решилась на такой шаг. Среди моих знакомых мужиков лишь немногие отважились связать свою жизнь с любимой женщиной. Это испытание и сильным личностям не по плечу.

– Да, все мы мечтаем о ней, призываем, молим о ней Господа. А когда Он дает ее нам, прячемся, отказываемся от нее. Почему? – Кейт снова была тиха и печальна.

– Пребывать в такой любви – это... все время жить в свете, на острие ножа! Ни тебе соврать, ни слукавить, – Дэзи говорила, ни на кого не глядя.

– Я вот тоже всю дорогу думала о Дэнни и Мэген, об их любви. О любви вообще. Зачем она приходит в наш мир? Вот она явилась, расцвела в сердце пышным цветком, все преобразила вокруг.

Филипп с возрастающим изумлением смотрел на жену – такой он ее давно не видел. Элси раздумянулась, похорошела, говорила быстро и горячо, будто боялась, что ее прервут:

– У человека вырастают крылья, и он взмывает в небо, поднимаясь над суетностью, обыденностью, пошлостью жизни. Он слышит и понимает шепот звезд, ощущает присутствие ангелов, сам становится похожим на них. И вдруг это кончается. И человек падает на Землю, оставаясь таким же ничтожным, сырым, одиноким. Так стоит ли молить о ее приходе, надеяться, страдать?

– Стоит, – убежденно заявил Фил.

– Ты знаешь, для чего любовь является на Землю? – Дэзи скептически смерила его взглядом.

– Хотя бы для того, чтобы напомнить о существовании другого, совершенного мира! Чтобы человек не оскотинился окончательно, – Фил ответил спокойно и твердо.

– Любовь – это святое, – закивала головой Кейт. – Вспомните, что говорил отец Кирилл на свадьбе Мэген: «В каждой любви человеческой есть отсвет любви Христовой. Это великий Дар»...

– И великий труд, – вставила Элси.

– И великое Утешение, – тихо произнес Фил. – И она не проходит бесследно, не может, не должна пройти.

По дороге домой Филипп продолжил разговор в машине.

– Мэгги, бедняжка! Только представь, каково ей сейчас. Раньше у нее было все: и подруги, и Дэн, и вся его большая семья.

– Да, а говорят, чудес не бывает! – с недоверием поглядывала на мужа Элси. – Его профиль ни дать ни взять профиль патриция, как всегда, четко очерчен и невозмутим. И голос такой же, как всегда, – невыразительный, с легкой хрипотцой. Разумеется, менторский тон. И все же...

– Будь я на вашем месте, уже давно разыскал бы Мэг и без всяких намеков, предупреждений приехал к ней. А что? Дела такие, что не до церемоний. В конце концов, свяжитесь с ее продюсером. Вы же знакомы с ним? Я бы тоже поехал с вами.

Элси верила и не верила своим ушам...

– Ну что ты на меня так смотришь? Я не такой уж болван, каким ты меня держишь.

Элси густо покраснела и отвела глаза.

– Я знаю, ты давно лелеешь мечту уйти от меня, только я тебе этого не позволю! Можешь думать обо мне, что хочешь, но не забывай, что я мужчина и отвечаю за тебя и сына.

– Почему ты раньше со мной так не говорил?

Филипп пожал плечами.

– Возможно, я изменился. Не думаешь же ты, что эта прерогатива принадлежит только тебе и твоим подругам.

Элси пребывала в полнейшем замешательстве.

– Сам не знаю, почему, но чувствую, что твои девчонки для меня стали родными. И я готов разделить ваши трудности, тревоги, радости. Если хочешь знать, я чувствую ответственность за каждую из вас, даже за Софи.

Потрясенная до глубины души Элси была почти влюблена в своего мужа. Чувствуя это, Фил решил, что для первого раза сказано слишком много.

«Как там говорил великий Мао: „Слишком хорошо – это тоже плохо“. Не дай Бог с Элси что-нибудь неладное случится!» Усмехнувшись, Филипп подбавил «горчички в сахарный сироп»:

– А куда деваться, если ни одна из вас не обзавелась нормальным мужиком!

Дома, опять-таки из чисто гуманных соображений, Фил перешел на свой обычный, занудный тон. С брезгливой гримасой сбросил с обеденного стола на диван учебник сына:

– В конце концов, будет у нас когда-нибудь порядок?!

Элси вспыхнула, хотела ответить в соответствующем тоне, но вдруг передумала. Подойдя сзади, обняла мужа, чего давно не делала. Почувствовав, как напряглись его плечи, тихо попросила:

– Не надо. Сегодня не надо так.

Филипп молча кивнул головой, обернулся, посмотрел на жену будто со стороны.

– Может, попьем чайку?

Элси стало неуютно под этим откровенно оценивающим взглядом – сразу вспомнилось, что она в некрасивом халате и небрежно причесана.

– Я купила новый сорт цейлонского чая, сейчас принесу, – сказала она скороговоркой.

Вернулась с распущенными волосами и в его любимом коротком халатике, открывающем ноги во всем блеске женской красоты.

Наверное, это был лучший вечер в их жизни.

«Да-да, Филипп тысячи раз прав. Какие они блюстители нравственности? Друг всегда прав. Прав, по определению, – лежа в кровати, Дэзи перебирала в уме подробности сегодняшнего вечера. – Надо же, а мы-то держали Фила за самозабвенно влюбленного в себя дурака! Как глупо, как вредно навешивать на человека ярлыки. Как мы привыкли упрощать: люди-схемы, фразы-штампы... Сами создаем их, сами в них верим. А если кто-то вышел из нарисованного нами образа, всерьез удивляемся, возмущаемся!»

Вот и Филипп на поверку оказался нормальным мужиком. – Дэзи улыбнулась: вспомнила, как они с Элси поглядывали друг на друга. – Не удивлюсь, если эта ночь окажется прелюдией к рождению дочки. – Мысли лениво прокручивались в голове, не давая заснуть. – А ведь завтра рано вставать! Надо бы выпить снотворное, но уже так славно пригrelась в кровати... Буду себе тихонечко лежать и думать... Как уютно, тепло, спокойно...»

Хорошо, что в зале горят все каминьки. За окнами мрачный холодный день, а здесь теплый свет. На голых плечах и открытых шеях дам сверкают драгоценности. Отблеск свечей таинственно играет и на камнях, и в глазах танцующих. Менуэт... Великолепный, роскошный, интригующий.

Дэзи скользила глазами по лицам танцующих – искала и не находила Мэг. Только что стояла рядом, когда успела отойти? Наконец, увидела ее зеленое платье в противоположном конце зала. Направилась было туда – дорогу преградил незнакомец:

– Сударыня, вы позволите?

Они влились в поток танцующих пар. Дэзи, нисколько не стесняясь, рассматривала своего кавалера. Он был не таким высоким, каким казался поначалу. Очень изящно сложен. Седоватый парик удачно оттеняет ровную загорелую кожу. На подвижном худошавом лице выделяются глаза табачного цвета. Они умны и насмешливы. Дэзи не в силах оторвать взгляд от чудесного лица, и от этого ей не по себе.

«Впервые вижу с человеком, а кажется, что роднее его нет, не было и не будет. Интересно, кто он? Впрочем, какая разница – я знаю, что такой человек есть, и это главное».

Наутро Дэзи проснулась в радостном настроении. На сердце было тихо и хорошо до слез. Так бывало в девичестве.

«Господи! Я почти забыла это состояние! Что же мне приснилось? Огромный зал, балльные костюмы... Мэг. О, Мэгги! – Мысли вернулись в привычное русло. – Да, необходимо разыскать ее и встретиться, пока еще не поздно!»

Глава 7

Дэниел сидел за столом, нетерпеливо поглядывая на телефон. Он ждал звонок от матери. По всем расчетам, они должны приехать. Машина была послана час назад.

«Ведь договорились: как только приземлятся, сразу позвонит. Забыла она, что ли? На черта я послушался Мишку: „Зачем нам трястись ночь в поезде, один час – фьють, и мы в Питере“. Вот тебе и „фьють“!»

Даниель нервно побарабанил пальцами по столу. Остановившись взглядом на портрете сына, взял его в руки.

«Какой Сашка здесь серьезный, и не скажешь, что ему только три года».

Совсем недавно здесь стояла другая фотография. С минуту поколебавшись, Даня достал ее из закрытого ящика стола. На ней – они втроем. Сашенька на руках у Маргарет, лица залиты солнечным светом... сколько в них счастья! А теперь они разделены. Он не видел сына уже целый год. Сто раз собирался поехать к нему и каждый раз откладывал. Не хотел себе признаться, что не представляет, как они встретятся с Мэген, как себя вести... Не хотел себе признаться, что они теперь чужие друг другу.

Спасибо, матушка, как всегда, пришла на помощь. Предложила поехать на день рождения Сашеньки вместе с друзьями, Мишкой и Натальей. Билеты давно закуплены, все планы под поездку подогнаны... А на душе все так же беспокойно.

Даниил развернулся на вращающемся кресле к окну, нажал кнопку пульта, шторы раздвинулись. Перед глазами распахнулась великолепная панорама любимого города. Его красота, его вечная, неразгаданная тайна – едва ли не единственное, что связывало его нынешнего с ним прежним. Даниил долго и придиричиво подбирал этот дом под основной офис. Хотелось, чтобы из окна кабинета был вид на реку, – это ему напоминало дом в Москве. Чем больше он жил в Питере, тем больше дорожил московскими воспоминаниями и всем тем, что было в его жизни до женитьбы на Ларисе.

Порой ему с трудом верилось, что со дня его переезда сюда прошло около двух лет. Тогда ему здорово повезло: друзья помогли быстро сориентироваться в новой обстановке. За три года, пока он жил в Америке, много чего изменилось. Время в России шло по-другому, не шло – бежало.

В Питере жизнь и вовсе кипела, бурлила, как шампанское, Даниель погрузился в нее с головой. Делами занялся с первых же дней, он и предположить не мог, что это его так захватит. Бизнес требовал такой же каждодневной отдачи, напряжения всех сил, как и спорт. Это была игра, возможно, самая азартная для мужчины игра!

Все лакомые кусочки и сферы влияния в Питере были давно поделены, но городу катастрофически не хватало денег. Крупные инвесторы не спешили – бизнес в России все еще считался рискованным. У Даниеля была масса поручителей, и он легко адаптировался в новых условиях. В конце концов, большой спорт давал возможность почувствовать большие деньги. Он никогда не был их рабом, но цену им знал. Действовал осмотрительно, работал только с фирмами и людьми, зарекомендовавшими себя надежными партнерами.

Все складывалось на редкость удачно, вот только не хватало Маши и сына. Встречаться с семьей приходилось все реже. Его дела в основном были завязаны на европейских партнерах, он не мог себе позволить просто так сорваться в Америку.

Бизнес жил по своим законам, здесь были свои неписанные правила, свои запреты, свои представления о дозволенном. Определенный стиль поведения требовался не только в делах. Его партнеры не раз выражали удивление по поводу его целомудренности.

«Старик, тебе ли не знать, что такое законы жанра. Согласно им, у тебя должна быть телка, хотя бы одна, – приставал с советами его компаньон, немолодой, уважаемый

на вид человек. – Я знаю, другой знает, что ты любишь свою жену и у тебя нет необходимости в чужих бабах. Но всем это не объяснишь! Твое нежелание общаться с женщинами могут неправильно истолковать. Если не хочешь, чтобы тебе приклеили ненужный ярлык, заведи подружку, хотя бы одну, для виду. Ты что думаешь, мне нужны эти куклы заводные? Это же лишние хлопоты и немалая статья расхода! Даже жена в курсе. Сейчас только заплатил одной киске за силиконовые груди. Не пробовал? А что, смешно и хоть какое-то разнообразие... Вообще – вот они у меня где, но мнением общества пренебрегать нельзя. Имидж – дело серьезное!»

Телефонный звонок прервал его мысли, Даниил торопливо схватил трубку.

– А, это ты... Послушай, свяжись со справочной аэропорта, узнай, что там с самолетом. Да Элка твоя растяпа, пока она дозвонится... Жду!

Звонила Лариса, его бывшая секретарша, теперь – жена. Такие вот дела... Такая вот банальнейшая история... Как это могло случиться?

Дэн ухмыльнулся, вспомнив расхожую книжную фразу: «Он стал жертвой стечения обстоятельств». Тут же спохватился: «К чему ворошить прошлое». Но было уже поздно. Одна за другой стали всплывать картинки того окаянного дня, что, став первым в чреде таких же, пресыщенных, пустых, паскудных дней, сделал его отступником всего дорогого в его жизни. Прежде всего – себя самого.

В городе была невыносимая жара. Казалось, что воздух напряжен и вот-вот произойдет что-то ужасное. Атмосфера в офисе была такой же наэлектризованной. Несмотря на работающие во всю мощь кондиционеры, было душно. Все едва сдерживали раздражение. Переговоры со шведами в этот день так ничем и не закончились – они не хотели уступать ни на йоту. Он тоже заупрямился, хотя это было совсем на него не похоже.

Отпустив сотрудников, Даниель попытался связаться с Машей, но она была на очередных съемках. Тина на жутком английском попыталась ему высказать свое «пфе» по поводу его длительного отсутствия, намекала на каких-то поклонников Мэген. Он разозлился и бросил трубку – все его сегодня пытались учить.

Прикинул перспективы на вечер. По плану намечался дружеский вечер с партнерами. Это само собой отпало. Возвращаться домой, чтобы в одиночестве пережевывать неудачу? Нет, только не это! Пойти в ресторан? Куда-то запропастился Мишка, не одному же идти в кабак. В это время заглянула Лариса, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь.

Данила окинул ее взглядом. Несмотря на умопомрачительную духоту, девушка просто дышала свежестью. Темные прямые волосы были гладко зачесаны, элегантный костюм безукоризненно сидел на ладной фигуре. Она стояла, не смущаясь его настойчивого взгляда и ничем не выказывая неудовольствие затянувшейся паузой.

– Хочу поужинать в ресторане, не составишь мне компанию?

Слова вырвались как-то сами собой. Он ничуть не огорчился, если бы Лариса отказалась. Заводить шашни со своей секретаршей – это пошло. Но девушка, мило улыбнувшись, наклонила голову.

– Спасибо, с удовольствием. Сегодняшний день какой-то ненормальный, – она неопределенно помахала пальчиками в воздухе.

Даниель выбрал не свое заведение, а дорогой, модный ресторан, где любили отдыхать знаменитости. Здесь, по крайней мере, видимо, никто не обращал ни на кого внимание. Это был клуб людей определенного круга, с вполне определенными финансовыми и деловыми возможностями.

Они провели прекрасный вечер. Покинули ресторан в два часа, и тут оказалось, что Дэн не сможет попасть к себе домой до пяти утра. Он все еще не приобрел привычку питерцев соизмерять свои планы с режимом разводных мостов. Спать совершенно не хотелось – белые ночи, как всегда, оказывали свое колдовское действие.

Предложил:

– Может, еще потанцуем?

Лариса, улыбаясь, покачала головой. Ее лицо в волшебном свете питерской ночи казалось таинственным и обворожительно нежным.

– А может, мы оставим на стоянке машину и вы проводите меня? Я живу неподалеку отсюда.

Даниель с радостью ухватился за это предложение. На самом деле ему не хотелось сидеть в кабаке. Он обожал ночные прогулки по городу. До дома дошли за полчаса. Ночь была такой чудесной, казалось, что сегодня все возможно. Поблагодарив девушку за приятный вечер, Даня собрался уйти, но она, задержав его руку, попросила:

– Даниель, а вы не проводите меня до дверей, у нас такая жуткая парадная...

Они уже распрощались, и он стал спускаться по лестнице, когда Лариса окликнула:

– Шеф, я забыла поблагодарить вас.

Приблизившись, слегка обняла и поцеловала. Долго-долго. Она стояла на две ступеньки выше, от этого поцелуй получился таким необычным, как во сне. Его охватила истома. Весь этот ужасный день его томили предчувствия, хотелось чего-то неопределенного. Он сейчас только понял, чего – запретного, из рук вон, чтобы немного сойти с ума. Слишком долго в последнее время он играл по чужим правилам.

Лариса оказалась очень умелой и изобретательной девушкой. На вопрос, где приобрела такие навыки, загадочно засмеялась:

– Смотрю нужные фильмы.

Утром она ждала его прибранная, аккуратная, свежая. Приготовила великолепный кофе. Глядя прямо в глаза, спокойно произнесла:

– Если хочешь, забудем об этом, в любом случае тебя это ни к чему не обязывает. Вычеркнем этот день из памяти!

Даниил был бесконечно признателен Ларе за эти слова. Кольнувшее было сожаление о случившемся исчезло. На смену пришло легкое, благодушное состояние.

«Разве это измена? Это же не любовь, скорее деловые отношения. Мне было плохо, и Лариса помогла. В конце концов, не мной придумано, что у делового человека должна быть девушка под боком, ведь на работе мы проводим почти все время». – Тогда он почти поверил себе.

Глава 8

Переговоры на следующий день прошли как по маслу. Видно, гроза, бушевавшая всю прошлую ночь, разрядила атмосферу. Город ожил. Злополучный контракт со шведами был подписан. Они расстались с обоюдными заверениями в желании продолжить деловые отношения. Намечались дополнительные крупные инвестиции.

Созвонился с Машей, наговорил ей кучу нежностей. Хотел сразу отправиться в Америку, но тут подвернулось выгодное дело, потом презентация нового клуба, потом еще куча неотложных дел.

Недели две Даниель был на подъеме. Все у него получалось. Лариса ничем не напоминала о ночном приключении, он ее почти не замечал. Ждал – вот-вот позвонит Маша и назовет день своего приезда. Она позвонила и сообщила об очередной отсрочке. А тут еще поставщики отказались продавать оборудование по льготным ценам. Данила сорвался, накричал на сотрудников, что было совсем не свойственно ему. Лариса пришла в кабинет с приготовленным крепким чаем. Подождала, пока он прочертыхается, а потом, подойдя вплотную, прижала его голову к себе и стала расстегивать кофточку.

– Не беспокойся, дверь я закрыла на ключ, – вот и все слова, которые она сказала. С тех пор так и повелось. Лара, как чуткий барометр, оказывалась рядом именно тогда, когда это было особенно необходимо. Это уже потом Даня осознал, что она с самого начала «пасла» его и была при нем с утра до вечера. И это его устраивало. Он мог позвонить ей ночью, после затянувшегося банкета или в любое другое неурочное время, когда возникала необходимость женского общества, – она принимала его без лишних слов.

С ней все было просто. В постели Лариса был так же аккуратна, деловита, как на работе. Никакой суеты, всегда красива, изящна, услужлива. А главное, не требовала никаких затрат времени и душевных сил.

В самом начале их отношений Даниель твердо заявил, что никогда не оставит Мэг. Восторга по этому поводу Лара не выразила, но и не предъявила каких-либо серьезных претензий. Потому, узнав о разводе, долго не могла поверить. Все удивлялась, спрашивала... А что он мог ей объяснить? Он и сейчас не знает ответ на этот вопрос.

Развод случился в одночасье, без видимых причин, став полной неожиданностью не только для окружающих, но и для них самих.

В тот день он был взвинчен до предела – столько всего накопилось! Под угрозой срыва подписание контракта с французами, зависло решение об аренде чудного особнячка под клуб, хотя все уже было тысячи раз обговорено и казалось делом решенным. А тут еще дурацкое чувство вины перед семьей, недовольство собой... Все это, вместе взятое, выводило его из равновесия, злило. Безмятежность жены казалась нарочитой: «Наверняка ей кто-нибудь уже порассказал об отношениях с Ларисой. Да и сама она, похоже, не теряла время зря». Ему вдруг захотелось вывести жену из состояния деланного, светского спокойствия. Сказал ей какую-то пошлость, Мэген сдержалась. А он вдруг увидел себя со стороны: злого, замотанного, изовравшегося. Стало до того тошно! Он был готов разом разорвать этот клубок недомолвок, условностей, отчуждения. Разбудить Сашку, схватить их в охапку и – в аэропорт.

А тут, как назло, звонок из Питера. Бодрый голос Ларисы – там все было предельно четко, ясно – никаких проблем.

– Звонили из фирмы, секретарша? – деловито осведомилась Маргарет.

– Да, Лариса. Секретарша, по совместительству – любовница. Ты ведь наверняка уже в курсе!

Маргарет неопределенно пожала плечами.

Вот тут на него и нашло!

Все раздражение последних месяцев, свое чувство вины, недовольства собой он переложил на Мэг. Ее молчание истолковывал как укор.

Ему хотелось, чтобы она расплакалась или закричала, хоть как-то выказала свое недовольство. Но чем больше он говорил, тем спокойнее становилась Мэг. Только тогда он спохватился и попытался исправить положение.

– Я понимаю, что сейчас нельзя разводиться, – не время. Скоро премьера фильма и все такое... Да и Сашка слишком мал. Не говоря о том, что отец Кирилл не даст разрешение на развод. – Ему казалось, что эти слова должны успокоить Мэг и матушку. Продолжил было в том же духе, но, взглянув на жену, остановился – таким странным показалось ее лицо.

Маргарет набрала номер телефона своего адвоката и сообщила ему о разводе. Положив трубку, коротко пояснила:

– Боб обещал все проверить по-быстрому. Можно не сомневаться, он это сделает. Вот только с отцом Кириллом будут сложности... Но я все возьму на себя. В конце концов, это не помешает вам сочетаться гражданским браком.

Только тогда он понял всю бесповоротность случившегося. Да, он вволю потешился... раздражение, досада на всех и всё исчезли, как и не было. Но какой ценой!..

– Похоже, завтра предстоит денек не из легких! Нам нужно хорошенько отдохнуть, – Мэг деланно подавила зевету, вежливо распрощалась и направилась в свою комнату. Даниель не стал ее останавливать.

– Это что, развод? А как же Сашенька? – заплакала матушка.

– Не мы первые – не мы последние, – не сразу отозвался Даня.

Он был почти спокоен, вот только в самой глубине сердца что-то оборвалось, да билась на виске какая-то тоненькая жилочка. Это ничего, глоток-другой коньяка, и все будет в полном порядке. В конце концов, что такое несколько неприятных минут, когда впереди – полная свобода. Новая жизнь, в которой все будет зависеть только от него.

Громкий сигнал телефона вернул Даню в действительность. Лариса четко и внятно выдала информацию о задержке рейса. Не преминула напомнить:

– Смотри, не задерживайся на работе и не вздумай напиться! Гости придут через полчаса.

Даниил поморщился. Они женаты уже целый год, но он все еще не мог привыкнуть, что Лариса имеет на него особые права. По существу, для него все осталось без изменений, только о том, что они спят вместе, знают все. Стоило для этого менять свою жизнь...

– Плевать! – Даниель, открыв сейф, достал бутылку коньяка, налил ровно полстакана, выпил не спеша, как будто это была простая вода. Повторил спокойнее: – Плевать...

Глава 9

– Этого не может быть! Уверю вас, это ошибка.

– И все-таки я настаиваю на вашем присутствии.

– Хорошо, мы прибудем в ближайшее время.

Озабоченное лицо главного конструктора исчезло. Голубоватый всполох видеосвязи давно погас, но Лоренс стоял, не шелохнувшись, все в той же напряженной позе.

– Что ему от нас надо?

Спина Лоренса дрогнула, он оглянулся.

– Ты все слышала?

– Нет, только последнюю фразу Мэйрона.

– Он уверяет, что все последние события, включая эпидемию, не случайны. Это следствие глобальных изменений в структуре электромагнитной решетки Альдеона или...

– ...целенаправленной атаки?

– Да. Тщательно спланированной, хорошо замаскированной атаки. Мэйрону удалось зафиксировать слабые излучения энергии неизученной природы. По всем известным нам физическим параметрам излучение не представляет собой непосредственную опасность для жизни, но, тем не менее, таит в себе не меньшую угрозу. Последнее, впрочем, всего лишь его предположение, никак не обоснованное научно.

– Не стоит пренебрегать мнением Мэя, интуиция его никогда не подводила. Но при чем же здесь мы? – недоуменно пожала плечами Милиока.

– Видишь ли, по его мнению, мы с тобой, вольно или невольно, находимся в эпицентре этих негативных потоков.

– Вот как! Надеюсь, он не забыл, что жизнь на Альдеоне возродилась не без нашего участия. Едва ли стоит подозревать нас в игре против собственного народа.

– Технари так самонадеянны, для них не существует авторитетов. Впрочем, для ученых это где-то оправданно. Наука движется вперед, опровергая прежние догмы и опровергаясь последующими поколениями ученых. Как бы то ни было, нам придется отложить все свои планы и ехать к нему.

– Увы.

Научный центр Мэйрона располагался в центре города, на месте легендарного Фонтана Грез, он исчез в одночасье, вместе с уходом Жрецов. Вся эта гигантская конструкция на глазах изумленной публики свернулась в мерцающий рулон, потом превратилась в огненную струю и исчезла. Испарилась, как будто ее и не было, не оставив после себя никаких следов... почти никаких. Электромагнитный фон почвы был на несколько порядков выше. Правда, его мощность таяла день ото дня и, наверное, бесследно исчезла бы, если бы не старания Мэйрона. Группа талантливых инженеров, его единомышленников, в рекордно короткие сроки воздвигла на этом месте экспериментальную лабораторию. Теперь это целый институт со сложнейшей инфраструктурой – Институт Высоких Энергий.

– Жаль, что Мэйрону так и не удалось воссоздать Фонтан Грез. Его Универсальный канал связи, безусловно, уникальное изобретение, но его возможности не идут ни в какое сравнение с прежним сооружением, – посетовала Милиока.

– Был ли Фонтан рукотворным сооружением? Был ли он, вообще, тем, чем казался всем нам? Кем на самом деле были его «Жрецы»? Откуда они пришли, куда делись и где пребывают сейчас?

– Вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом. Странно, что долгое время о существовании Фонтана почти не вспоминали и вдруг такой бум.

– Насколько я понимаю, ностальгическим воспоминаниям о нем предаются в основном художники. Что ни говори, но это был идеальный источник идей и вдохновения.

– Для меня лично гораздо более ощутимой потерей оказалось не исчезновение пресловутого Фонтана Грез, а его последствия – изменение электромагнитной решетки Альдеона. Мы утратили огромные возможности, лишились многих удобств... и прежде всего – почти мгновенного перемещения в пространстве. Я никак не могу привыкнуть к новым способам передвижения на транспорте. Тащись теперь... – Лоренс пренебрежительно провел рукой по борту летящего аппарата.

– Что подделаешь, мы не можем пренебречь приглашением Мэя.

– Да, он великий конструктор, талантливый инженер, но его одержимость в некоторых вопросах кажется смехотворной.

– Ты не забыл, что он не только Ведущий Конструктор, но и член Совета Безопасности?

– Так же, как и я. Для общественной работы существует специально отведенное место и время. У каждого из нас столько дел! Я сократил до минимума время занятий боевыми искусствами, снял себя с соревнований в самый последний момент! Общественные дела не должны мешать творчеству.

Лоренс взглянул на жену. Она с отстраненным видом смотрела на проплывающий внизу пейзаж.

– Почему ты молчишь? Ты не согласна со мной?

– Не согласна, – спокойно подтвердила Милиока. – Мы не принадлежим себе, потому что это наш выбор. Мы сами взвалили на себя этот груз, и если он стал непосильным для нас, следует честно в этом признаться. Никто не заставит нас делать то, к чему уже нет интереса.

Лоренс едва удержался от возражения. В последнее время безапелляционность жены, ее прямота стали его раздражать.

– Если хорошенько подумать, часть прежних традиций не так уж глупа. Творческому человеку, Мастеру, следует жить одному, хотя бы время от времени.

«Я был абсолютно самодостаточен. Мне было подвластно все: косная природа, стихии, течение времени. – Сердце отозвалось на эти мысли странной, сладкой болью. – Покой. Свобода. Могущество. Совершенство. Одиночество... Что еще нужно для творческой личности?»

Лоренс в смятении посмотрел на Милиоку и в тысячный раз удивился: «Она все так же непреодолимо притягательна для меня! Почему?! Черты ее лица далеки от совершенства, а я не могу на него насмотреться. Оно влечет к себе, заставляет снова и снова всматриваться в него. В чем его особая прелесть? В детской незавершенности? В зыбкой, неуловимой переменчивости? Где разгадка этой тайны?!» «В тебе самом», – раздалось в его голове.

«Вот и ответ, – невольно усмехнулся Лоренс. – Да, это зеркальное отображение меня самого, хочу я этого или нет. – И тут же уточнил: – Хочу. К чему лукавить перед собой? Я нуждаюсь в ней, в ее поддержке, в ее восхищении, в ее... если не любви, то привязанности. А ей нужен только я.»

– Никто не вправе распоряжаться свободой другого. Никто, и мы тоже, – неожиданно произнесла Милиока.

Лоренсу стало не по себе. Он знал, что жена не обладает телепатическими способностями, но ее интуиция, чуткость были сродни им.

– Ты о чем?

– О Мэйроне, о его бесцеремонной настойчивости.

Милиока не читала ничьих мыслей, она была полностью поглощена своими: «Такая досада! Только что зародилась идея постановки нового танца. Надо бы закрепить его рисунок, детально разработать композицию, – говорила она будто сама с собой. – Похоже, это то, к чему я стремилась, чего так долго и тщетно добивалась».

– О чем будет повествовать твоя новая притча?

– Об извечной тяге человека к самопознанию, к совершенству. О его глобальном, космическом одиночестве. Это будет восхитительный танец, лучший из всего, что я делала раньше.

Милиока с вызовом посмотрела на мужа. Он все так же отстраненно рассматривал ее лицо:

«Глаза... Никогда не устану восхищаться ими. И этот чудесный взор, тревожный и радостный. Он волнует меня так же, как в первый день знакомства. Непостижимо!»

Милиока под плотным, как физическое прикосновение, взглядом мужа почувствовала себя неловко и невольно отвернулась.

– Тебе не кажется, что наши отношения переросли себя? – спросила она тихо. – Будем откровенны. Мы были источником вдохновения друг для друга достаточно долго. Может, пришло время что-то поменять?

Лоренс скривил губы в обычной усмешке.

– Ты предлагаешь нам расстаться? Я думал об этом.

– И?..

– ...И решил, что нам не следует этого делать – ты мне нужна. Так же, впрочем, как и я тебе. Я это твердо знаю. Мы можем, мы должны жить и работать вместе. Если захочешь, в твоём распоряжении будет целая планета. – Лоренс уверенным движением привлек к себе жену. – Тебе нужна публика? Она у тебя будет! Ты станешь властительницей дум преданных поклонников, ты сможешь формировать их вкусы. Но самым верным твоим поклонником, истинным ценителем твоего искусства буду я. Тебя это устроит?

– Наверное, ты прав. Никто не чувствует мои произведения, да и меня самую так, как ты.

– Это так же верно, как то, что только ты понимаешь смысл, значение моих работ. И меня самого... Так зачем терять время? Мы заново перепишем и переживем свою любовь. Никто больше не посмеет мешать нам!

Лоренс, не отнимая рук от лица жены, с нетерпеливой жадностью приник к ее губам. Милиока... Слабая, независимая, непостижимая, единственная! Она должна стать неотъемлемой его частью, чтобы раз и навсегда исчезли муки страха разъединения, потери. Отныне и навечно станет он безраздельным ее владыкой!

Милиока чувствовала, как с каждой секундой поцелуя из нее вытекает жизнь, ей не было жаль ее. Потому что на смену прежней, с ошибками, переживаниями, сомнениями, жизни приходило иное бытие, несущее с собой безмятежность, уверенность, безграничные знания, блаженный покой. Она наполнялась этой новой, похожей на смерть жизнью, и ей не было страшно.

– Покой. Свобода. Могущество. Совершенство. Одиночество...

Одиночество? Да потому что он – это я, я – это он. Мы никогда не наскучим и не помешаем друг другу. Разве это не счастье? И какое дело нам до других!

– Разворачиваемся, – Лоренс шагнул к пульту управления.

В это время снова вспыхнул сигнал видеосвязи.

Глава 10

– О, какие люди! – широко распахнув руки, Даня обнимал Мишку и Наталью. К матери подошел без слов, прижал к сердцу, поцеловал в висок.

– Вы что, без вещей? – оглядел он просторную прихожую.

– А! Мы их закинули в гостиницу, – оглянувшись на мужа, махнула рукой Наталья.

– Вы что, очумели? Здесь вам места мало?

– Знаешь, мы подумали, зачем стеснять вас? Наталья давно не была в Питере, будем мотаться туда-сюда.

– Ну-ну... Ты тоже сняла номер в гостинице? – Даня зло прищурился, глядя на мать.

Светлана Александровна спокойно посмотрела на него:

– Разумеется, нет, я приехала в гости к сыну.

Данила только кивнул головой.

– Ну что, к столу?

Окинул внимательным взглядом жену – придраться было не к чему. Все, как всегда, на высшем уровне: гладкая прическа, любезная улыбка, платье дорогое, но скромное, как и подобает хозяйке.

– Да, через несколько минут все будет готово!

– Отлично, я умираю с голоду. Пока суть да дело, пойдем в кабинет, поболтаем, – подмигнул Мишке, – выпьем немного.

– Идите-идите, а я помогу Ларисе.

Даня с благодарностью посмотрел на мать. Ему хотелось хоть ненадолго побыть с друзьями наедине.

– До чего я рад видеть вас, ребята! Наливай, Миш, что сидишь, как в гостях. Рассказывайте, как там Москва, как моя невестка, – так они в шутку называли Настеньку, дочку Мишки. – Ёлы, что за жизнь! Когда же мы виделись в последний раз?

– Больше года назад, в день приезда Маши в Россию.

– Он же был и последним, – скривил губы Дэн.

– Да, у нас все по-старому, – не стала заострять тему Наташа. – У тебя-то как? Не ждете прибавления в семействе?

Даниил уклончиво махнул рукой:

– Рано еще, решили немного пожить для себя. И вообще...

Светлана Александровна, пройдя на кухню, бодро спросила:

– Ну, что мне делать?

– Делать ничего не надо, я уже все приготовила. Но, «во исполнение высочайшего приказа», посидим немного здесь. Надеюсь, четверти часа на воспоминания им будет достаточно. Хотите чаю?

Не дожидаясь ответа, Лариса налила в нарядную чашку ароматный напиток. Подала, как в ресторане или офисе, вместе с салфеткой.

– Какой вкусный, – отхлебнув чай, похвалила свекровь. – У меня такой никогда не получается, хотя беру всегда хорошие сорта. Не на рынке, в магазине.

– Хороший чай сейчас лучше брать в чайных клубах, я вам потом приготовлю несколько коробочек. – Лара говорила и все время что-то делала, быстро передвигаясь по просторной кухне. Доставала что-то из огромного холодильника, добавляла в блюда какие-то специи из маленьких хорошеньких баночек, не забывала заглядывать в духовку.

– Хозяйство у тебя в образцовом порядке, – вздохнула Светлана Александровна. – Каждый раз, как приезжаю от тебя в Москву, пытаюсь все так же устроить – чтобы на каждой

полочке своя вещь. Хватает в лучшем случае дня на три. Сережа у меня растеряха, да и я не лучше.

– А что мне еще делать? Даня не хочет, чтобы я работала, да и я к этому не стремлюсь.

– Ты присядь, посиди со мной, дай хоть посмотрю на тебя.

Лариса послушно налила в чашку чай и уселась рядом. Светлане Александровне с невесткой было легко общаться. Понимала ее без слов – хоть и красавица она и одевается, как модель, а все равно – девочка из предместья, такая же, как она. Почти такая. Только порой Светлана Александровна ловила себя на мысли, что относится к Ларисе как к старшей по возрасту, – такая она деловитая, спокойная, серьезная. Что ни спроси – все знает, все умеет. Сама она в ее годы была ужасно смешливой. Ей с подружками палец покажи, они и хохотать. А ведь жили все трудно, бедно...

«Нерадостная она какая-то, несчастливая, – невольно вздохнула Светлана Александровна и тут же одернула себя: – Да они сейчас почти все такие. Время им такое досталось.»

Лариса, перехватив ее взгляд, ухмыльнулась:

– Да вы не жалеите меня, не надо. Я знала, на что шла, потерплю. Вот увидите, как только рожу ребенка, все изменится.

Светлана Александровна не стала разуберять невестку. Совсем недавно у них с сыном был разговор на эту тему. Даня приезжал в Москву на деловую встречу, которая по каким-то причинам сорвалась, и Дэничка провел целый вечер дома.

Сергей спросил как бы невзначай:

– Может, пора подумать о потомстве?

Даня вскинул на него удивленный взгляд:

– О каком потомстве? Я не хочу плодить чужих детей!

– Почему чужих? Ты что же, сомневаешься в Ларисе? – испугался отец.

– При чем тут она. Я сам себе чужой, разве вы не видите?

От этих слов по сердцу резануло так, что она едва удержалась, чтобы не застонать. Сергей тоже не нашелся с ответом, только побледнел...

– ...Да, потерпеть тебе, девочка, придется немало, – Светлана Александровна вновь взглянула на невестку. – Только стоит ли? – В последнее время она много об этом думала. «Вот, говорят, что русские бабы самые терпеливые. Может, это и так, только правильно ли это? Многие ее знакомые женщины сносят то, чего в принципе не должно быть в жизни человека. Чего нельзя видеть детям, что унижает, искажает, уродует душу. Какое там чувство достоинства! А ведь оно должно быть у женщины, тем более у женщины-матери.

Что самое интересное, терпят все не из-за любви к мужу, нет! Сами взвалили на себя непосильную ношу и несут ее обреченно, с остервенением, словно себе и всему свету назло. Мужики, даже самые неумные, непостижимым способом чувствуя это, ведут себя еще гаже. Взять хоть двоюродного брата, сам – от горшка два вершка, лентяй, пьяница! Да еще норовит руки распустить. Начнешь ему выговаривать, стыдить: пожалей, мол, жену... А он свое: «Раз живет со свиньей, значит, ей нравится. Она и прощает не потому, что понимает, любит, а так, неизвестно для чего. Еще и гордится собой, тешится: смотрите, какая кроткая, терпеливая... Тьфу! Глаза бы мои на нее не смотрели! Измучился весь с ней, потому и пью!» Вот и поговори с ним...»

– ...на них не стоит экономить деньги, это же наше здоровье, – прихлебывая чай, объясняла Лариса.

«О чем это она? – встrepенулась Светлана Александровна. – Ах да! Фильтры для питьевой воды. Как нехорошо, все прослушала, надо будет потом порасспросить Дэничку. Откуда Лара все так хорошо знает? Какая она все-таки умница.»

Светлана Александровна всегда старалась поддержать невестку, никогда не забывала, что благодаря ей Даня сравнительно быстро оправился после развода. Что с ним тогда творилось – вспомнить страшно! Он и сейчас погуливает, а тогда...

Между тем Лариса, взглянув на часы, отставила чашку, встала, выпрямив грудь.
– Ну, хватит им секретничать, у меня горячее готово, – сказала, как отрезала.

Светлане Александровне сразу стало неуютно. «Нет, все-таки они другие... Бесчувственные какие-то или слишком правильные, что ли? Вроде все говорят к месту, с нужными интонациями, с правильным выражением. Так себя ведут очень старые или очень усталые люди – им давным-давно все безразлично, а приличия требуют выказывать интерес к жизни, и они его старательно изображают».

Да, наконец-то нашлось определение, которое она долго не могла подобрать ко многим теперешним молодым по годам людям: старички, старательно изображающие юность. Невольно вспомнилась Маша – та, бедная, наоборот, изо всех сил старается быть взрослой, а, наверное, так и помрет девчонкой. Почему это такое? Сама же себе и ответила: «Жизнь у них, в Америке, намного легче – давно благополучная, сытая, без войн. Человек может позволить себе быть открытым. Нашим-то ребятам с детского сада приходится отстаивать себя. Может, и хорошо, что Сашенька пока живет с матерью».

Громкий голос Ларисы позвал всех в гостиную. Даня досадливо поморщился – только-только разговорились. В ответ на его укоризненный взгляд Светлана Александровна беспомощно развела руками – с хозяйкой не поспоришь.

Глава 11

Стол, как и всё в доме, был безупречным: белоснежная скатерть, английский фарфор, изящный букет в низкой вазе, начищенное столовое серебро. Общий разговор не клеился.

Наташа, стараясь подавить зевоту, сказала извиняющимся тоном:

– Простите, встали сегодня чуть свет. Все Михаил. Поехали бы, как все нормальные люди, ночным поездом, выспались бы хорошенько, а теперь весь день насмарку.

– Не беда. Я заварю кофе по специальному рецепту. Гарантирую, часа на три вас хватит, – встала из-за стола Лариса. Гости ее раздражали. Не Светлана Александровна. Нет. К ней она относилась с большим уважением и благодарностью. Та была одной из немногих, кто воспринимал ее всерьез. Михаил ей никогда не нравился – тот еще котятра! Наверняка на пару с мужем ходят по девкам. И Наталья тоже штучка! Даже не пытается выглядеть полюбезней.

– Дань, включи телевизор, – попыталась замять неловкую паузу Светлана Александровна.

Данила молча включил суперсовременный телевизор, поцелкал кнопками на пульте. По всем программам шла какая-то ерунда.

– Жалко все-таки, что ты перестал сниматься. Ведь у тебя так все классно выходило. И фильмы были интересные, не то что это барахло, – кивнула Наталья на экран. – Я помню, с каким бешеным успехом прошла ваша премьера.

– С такими спонсорами, как у них, картина не могла быть плохой. Что ни говори, только мощная финансовая поддержка позволила собрать на одну картину такую команду. Художники, дизайнеры, стилисты, костюмеры, да кого ни возьми – сплошь знаменитости. Даже исполнителями эпизодических ролей были звезды.

– Ты же собиралась принести кофе, – повернулся к Ларисе Даниил.

– Уже иду.

– Дай жене отдохнуть, она и так вся исхлопоталась, – вступилась за невестку Светлана Александровна.

– Конечно, кофе подождет! Посиди с нами, отдохни, – поддержала Наташа. Для себя же отметила: «Что это с Дэнькой? Десять минут назад, в своем кабинете, был таким милым, расслабленным, как блин на сковородке. Может, у них не принято вспоминать прошлое? Черт меня дернул спросить о кино».

– А почему музыкальное оформление доверили новичку? – как ни в чем не бывало, спросила Лариса.

– Это благодаря Соколу. Хотя Ральф на самом деле молоток! Его песни определили настроение, ритм фильма. Авторский ремикс сразу же стал хитом. Насколько я знаю, он до сих пор удерживается в двадцатке самых популярных песен в американских хит-парадах.

– Все так. Только не стоит забывать, что успех проекта прежде всего обеспечен умело раскрученной рекламой, – решил напомнить Данила.

– «Любовь обыкновенной американки из небольшого городка и русского знаменитого спортсмена тронула сердца зрителей Америки и Европы», – цитируя слова известной рекламы, Лариса молитвенно сложила руки и завела глаза в потолок.

«Т-а-а-к! – внутренне подобралась Наталья. – Добром это не кончится! Надо срочно сменить тему!»

– «Зритель, искушенный многочисленными дешевыми сенсациями, оценит подлинность „лав стори“ главных героев и полюбит их», – с той же приклеенной улыбкой продолжала блажить Лара.

Всем стало ясно: она все еще болезненно воспринимает прошлый период жизни мужа. Пытаясь выйти из неловкого положения, Мишка поднял бокал с вином.

– Короче, спонсоры, проигнорировав мнение многочисленных скептиков, вложили в проект немалые бабки и не прогадали. Предлагаю за это выпить...

– Кофейку! – внесла коррективу Наташа.

– Я сейчас, – будто опомнившись, откликнулась Лариса. Резко поднялась и вышла из комнаты.

«Уф, теперь только о погоде, о природе», – облегченно вздохнули гости. Но не тут-то было!

Светлана Александровна, наивная душа, вдруг вспомнила:

– А какими интересными были ваши передачи на телевидении! Никогда не жаловала телешоу, а тут...

– Любят американцы удачливых людей, – усмехнулась Лариса, неся на подносе чашки с кофе. Светлана Александровна, никак не ожидавшая, что невестка вернется так скоро, растерянно замолчала.

– Думаю, дело не только в этом, – мягко возразил Михаил. – Ведь, по сути, история Мэгги и Дэна была живым подтверждением того, что человек в своем стремлении к счастью способен преодолеть любые преграды. Ты извини, Лар, может, тебе неприятно...

– Пустое! – небрежно махнула рукой девушка. – Все ведь уже в прошлом? – посмотрела она в упор на мужа.

Тот будто не слышал. Уставившись на экран телевизора, пил медленными глотками вино.

«Злится, вот и прекрасно! По крайней мере, будет о чем со мной поговорить, – горько усмехнулась про себя Лариса. – Если бы я раньше знала, что все так будет... – Тут же остановила себя: – Полно тебе! Знала, всегда знала, так только и будет. И все равно снова пошла бы за него!»

Выровняв дыхание, Лариса продолжила все тем же дурацким искусственным тоном:

– Мне всегда было интересно другое: вам действительно писали письма со всего мира или это так, пиаровский ход?

«Ненавижу все эти садо-мозахистские выверты! Господи, неужели и я бываю такой!» – затосковала Наталья.

– Клятвенно подтверждаю: письма от людей, разделенных всякого рода обстоятельствами, приходили со всего света и в огромных количествах, – приложил руку к сердцу Михаил.

– Неужели в современном мире такие обстоятельства еще существуют? – ухмыльнулась Лариса.

– Да ты что! Религиозные представления, расовые предубеждения, социальное или материальное положение – всего и не перечислишь! Просто поразительно, с каким упорством человек загоняет себя в угол, сколько нагромождений, табу выставляет себе, какие непреодолимые баррикады воздвигает на пути к собственному счастью, – тарахтел Михаил, судорожно пытаясь нащупать почву для другой темы. – Мэген всегда расстраивалась – сколько в мире одиноких людей! Вот Пол и придумал сделать несколько передач по этим письмам. Многие охотно принимали в них участие, откровенно рассказывали о своих затруднениях, реально существующих и надуманных. Благодаря Полу я тоже сподобился поработать на «ихнем ТиВи».

– Интересно, в каком качестве? Был старшим помощником младшего уборщика? – съехидничала Наталья.

– Почти угадала, – не обиделся Михаил. – Числился я там младшим помощником режиссера. Ну и что! Опыт работы на американском телевидении дорогого стоит. Не говоря о том, чего я там только не повидал!

– Смешные все-таки американцы! Обсуждать свои проблемы с чужими людьми, по моему, глупо, – пожала плечами Лариса.

– Почему же смешные? – не глядя на нее, бросил Дэн. – В то время мы были открыты всему свету. Люди чувствовали это, доверяли нам.

– И умело использовали. Впрочем, насколько я понимаю, отношения оказались взаимовыгодными! Спонсоры не оставили без внимания общественный интерес к вашей личной жизни. Ваша «неземная» любовь принесла им отличные дивиденды, – не унималась Лара.

– Да, но это не помешало тебе уйти из кино. Почему? – поспешила с вопросом Наталья, думая: «Да что ж такое! Зачем она дразнит Даньку? Только скандала нам не хватало!» – Улыбнулась хозяйке как можно дружелюбнее: – О, кофе действительно супер! А как Никита воспринял твоё решение? Он ведь тоже снимался почти во всех ваших фильмах.

– Еще бы! – подхватил Мишка. Он кожей чувствовал накал атмосферы и старался увести разговор в более безопасную зону. – С такой импозантной внешностью, со своим именем остаться незамеченным! И поклонниц у него было не меньше, чем у Даньки, даже среди совсем молоденьких девчонок!

– На самом деле Никиту это ужасно смешило. И с решением моим он почти сразу согласился. Конечно, платили нам очень, очень достойные деньги. Но... Нам всегда было тесно в рамках режиссерской воли.

– Да это дед во всем виноват! – засмеялась Светлана Александровна. – Он в последнее время не переставал ворчать: «Что это за профессия такая – всем нравится?». Я ему: «На льду Данечка тоже работал для публики». А он свое: «Тю!.. Сравнила! Спорт – совсем другое! Там Данька выкладывался до кровавого пота. Это пусть зритель не понимает, какой труд стоит за трехминутным выступлением. Сколько терпения надо, сил, мужества, чтобы выйти на лед с недолеченными травмами. И чего стоит победа после громких поражений! А здесь что? – „поверни голову налево, сделай задумчивый взгляд“... – Тьфу, подлюка... Не мужицкое это дело, бабье. Бросать его надо! Пора Даниле настоящую работу искать!»

Все посмеялись, представив, как это говаривал Александр Иванович. Даня тоже улыбнулся, вспомнив, как смешно и точно тот передразнивал режиссерские интонации.

А по существу, дед, как это часто бывало, озвучил его мысли. Он долго не хотел признать, что работа актера в кино и работа спортсмена на льду – вещи совершенно разные. И здесь, и там работал на полную катушку – иначе он не умел, – но отдача за этот труд была совсем разной. На стадионе он тут же получал оценку своего труда: видел и слышал зрительскую благодарность, чувствовал ответный порыв, получал энергию зала. Ничего этого на съемочной площадке не было. Да, похвала режиссера, коллег. Да, отличные гонорары. Да, бешеный успех у поклонниц. Но все это в его жизни уже было и не имело самостоятельной ценности. Он и теперь не жалеет о своем решении.

Глава 12

– Опаньки, останови! – положил руку на пульт Мишка. Даня и не заметил, что все это время машинально нажимал на его клавиши. – Новости культуры из Америки.

– Надо приобщиться, чтобы быть в курсе событий, – встрепенулась Наташа.

Показывали какую-то благотворительную тусовку, на которой голливудские актеры были со своими детьми. По тому, как ухнуло вниз и тут же подскочило к горлу бешено заколотившееся сердце, Даня понял – в этой толчее была Маргарет. Ее тут же и показали. Крупным планом, вместе с Томом Кертисом, партнером по фильму.

«Вот оно что! Не зря весь день ныло сердце, не зря нервничал, не случайно завелся этот дурацкий разговор о кино», – пытался совладать с собой Дэн.

– Симпатичный парень. Чем-то на тебя похож, – бросила пытливый взгляд на хозяина Наташа.

– Еще бы! Эта роль писалась на Сокола, только он уже тогда решил не сниматься, – заметил Михаил. – Ведь это ты предложил режиссеру пригласить Тома на пробу?

Даня молча кивнул головой. Он хорошо помнил, что испытывал чувство вины перед киношниками, строящими под него планы. Стараясь хоть как-то загладить ее, очень тщательно продумал варианты замены на роль. Не случайно им оказался профессиональный спортсмен, теннисист, карьера которого подходила к концу. Он обладал приятной внешностью и выраженной мужской харизмой.

– Мэг заметно похудела. Волосы отросли... Выглядит немного усталой... Но все равно, до чего хорошенькая! – комментировала вслух Наташа.

– Да. Расцвела наша Марусенька! – с удовольствием подтвердил Михаил. – Она так долго оставалась в тени твоей славы...

– ...и ее это несколько не огорчало. Я точно знаю, – решила уточнить Светлана Александровна.

– Все это знали. Может, поэтому и Дэнкины поклонницы относились к ней с симпатией. Ведь обычно они не жалуют жен своих кумиров, – не сводил глаз с экрана Михаил.

– Ну, это исключительно Данина заслуга! Он у нас личность неординарная! Таким все прощается, даже счастливый брак, – Лариса провела рукой по плечу мужа.

– Согласна! – отвернувшись от телевизора, Наталья окинула Дэна странным взглядом. – За тобой всегда чувствовалась какая-то тайна – и на льду, и на экране – везде присутствовал ее флёр. Это дорогого стоит, особенно в глазах женщин!

– Точно! Сокол был королем в спорте и стал им в кино. А королям, как известно, позволено то, что не позволено простым смертным, – поцеловав ручку жены, Михаил наполнил водкой два бокала.

– За тебя, брат! Много чего у нас с тобой в жизни было хорошего. Верю – и еще будет. За наше будущее!

Мужчины встали и обнялись, глаза обоих повлажнели. Женщины отвернулись и, как по уговору, уставились в телевизор.

Известный журналист светской хроники тархтел как заведенный. Предметом обсуждения была мода нынешнего сезона. Все восхищались ее простотой и функциональностью.

Наталья зорко подмечала все детали туалетов:

– Действительно, как говорится, простенько и со вкусом. Одно нехорошо: цена «сиротского» Машиного платьишка наверняка не меньше моей шубы.

Костюм Мэг действительно выглядел очень простым: полуоблегающее платье по шиколотку и сандалии с высокими узкими ремешками. Так, впрочем, было одето большинство приглашенных дам. Мужчины также демонстрировали демократичный стиль одежды – свободные,

в основном светлые брюки, разноцветные рубашки с распахнутыми воротниками, спортивная обувь. Мэг вела за руку прелестную девочку лет пяти. Даня сразу вспомнил, что у Тома дочка, он отсудил ее у ее матери – у той были какие-то проблемы, то ли с алкоголем, то ли с наркотиками.

Сашка, как ни в чем не бывало, сидел на широких плечах Тома, чему-то смеялся, размахивал каким-то дурацким флажком. Вместе им было, очевидно, хорошо. Комментарий был соответствующим: «На наших глазах рождается новая звездная пара».

От всего увиденного на душе стало до того муторно... И Лариса подлила масла в огонь. Стоя за плечом с чашкой в руках, произнесла с явным удовольствием:

– А они хорошо смотрятся!

– Сколько раз тебе говорил, чтобы ты не стояла за спиной! – от раздражения свело скулы, но Даня быстро взял себя в руки. – Извини, я же просил тебя – не стой сзади.

В тот же день он сдал свой билет. Матери не стал ничего объяснять, сослался на дела.

Спать улеглись рано.

Боль тупой иглой засела прямо за грудиной. Он с трудом поднял глаза к небу – ни одной звезды! Мгла вокруг, непроглядная мгла. Смертельная тоска сжимала сердце ледяной рукой: он один, один во всей Вселенной. Сознание угасало, и вдруг в крошечной тьме золотистой искоркой промелькнула спасительная мысль: «Боже, как я мог забыть! Для того чтобы оказаться с близким человеком, вовсе не обязательно его материальное присутствие. Родная душа услышит мой призыв и откликнется, прильнет к сердцу, утешит боль, усмирит душу»... – Единственная моя, жена моя, услышь меня, – прошептал он вслух. В ответ – вселенское безмолвие. Это было страшнее смерти. Он не просто одинок – он покинут всеми, кто был ему дорог, – людьми и ангелами. За что?!

– Это ты оставил всех нас... – услышал он тихий, как последний вдох, голос и на долю секунды увидел знакомый мерцающий силуэт. Усилием воли Даня открыл глаза: «Слава Богу! Это всего лишь сон. В комнате темно и тихо».

Осторожно, чтоб не разбудить Ларису, Даниил поднялся с постели. Некоторое время сидел за столом, закрыв лицо руками.

– Единственная моя, жена моя, услышь меня! – шепотом повторил запомнившиеся слова. Прислушался – ни звука! Тишина такая, что в ушах звенит.

«Хоть бы кто на машине проехал!» – горько усмехнулся он.

Рука привычно потянулась к холодильнику. Взяв любимый стакан, отмерил выверенную дозу. На кухне зажегся свет.

– Дэнчика, ты что это впотьмах сидишь? А это что? Водка?! С каких это пор ты стал пить в одиночку? – Светлана Александровна, прислонившись к стене, испуганно смотрела на сына.

– Приснилось черт-те что, вот я и решил...

– Нет, ты уж это брось! Обещай, что никогда не будешь решать свои проблемы в обнимку с бутылкой!

– Мам, ты же знаешь...

– Знаю! Очень даже хорошо знаю, сколько людей через это «лекарство» погибло, сколько мужиков лишилась Россия. И ты туда же! Зачем же тогда берешь маленький стаканчик? Бери побольше, вон стаканяка, – с этими словами она водрузила на стол высокую склянку. – Выдуй целую бутылку, мало – еще! И больше никаких проблем ни у тебя, ни у других. Похороним, поплачем один раз – и все.

– Мам, ты что, Ларису разбудишь!

– А что Лариса?! Разве жена не самый родной тебе человек?! Что глаза опустил? Стыдно? Живешь как во сне!

– Так оно и есть... – зло ухмыльнулся Даня.

– Сам виноват, что живешь вполсилы, словно тебе хребет переломали. Своей жизни ты хозяин. Только зачем чужой век заедать? Или тебе скучно одному страдать? Надо, чтобы рядом еще кто-то мучился? С Машей не прошло, давай другую тиранить?! Лариса потерпит, да вот беда: тебе от ее страдания ни жарко ни холодно. Так ведь? Не хочешь, не можешь жить с человеком – отпусти, дай ей свободу.

– Да не нужна мне никакая свобода, – послышался спокойный голос Ларисы. – Она стояла в дверях, с сухими глазами, в аккуратно перепоясанном халатике. – Светлана Александровна, не вмешивайтесь, пожалуйста, в нашу жизнь. Мы сами во всем разберемся и со своими проблемами сами справимся. Даниил соскучился по сыну, вот и разнервничался. Попросите Мэген отпустить к нам Сашу, и все само собой уладится. Что касается алкоголя, Дане его пагубность известна лучше нас. Он никогда не станет его рабом. Так ведь, Данюша? – Лариса с мягкой улыбкой привлекла к себе его голову. – А раз уж налили водку, предлагаю всем выпить, по сорок грамм, как врачи рекомендуют, и отправимся спать. Захотите продолжить разговор, поговорите завтра, на свежую голову. Ну, давайте, за наше здоровье!

Утро выдалось ясным, солнечным, синим. К ночному разговору никому не хотелось возвращаться. Три дня перед отъездом провели по-семейному тихо, спокойно.

Только перед самым отлетом самолета, уже и посадку объявили, Данила напомнил:

– Уговори Мэген опустить Сашку хотя бы на месяц. Она тебя любит и не откажет в просьбе.

– Я знаю.

– Если спросит, почему я не приехал...

– Не спросит.

– Знаю... Посмотри, как она там...

– Разве ты не видел?

– Вот и чудесно! Тем более должна отпустить сына. Ларисе давно пора с ним познакомиться.

Глава 13

Боль в сердце не унималась и становилась невыносимой. Ричард попробовал пошевелить рукой, осторожно провел по груди – так и есть, вся перчатка в крови.

«Итак, я умру на этом поле, истекая кровью. Что ж, поле битвы – достойное место для смертного часа. Жаль только, что никто об этом не узнает. Некому закрыть глаза. Некому сказать последнее „прости“».

Дышать становилось все труднее. Ужас одиночества разрушал тело не меньше раны. На рыцаря наваливалась непроглядная мгла, она сковывала его движения, мысли, чувства. Собрал остатки сил, Ричард прошептал вслух: «Оливия, жена моя, последний вздох тебе».

Он оказался в прозрачно-голубом пространстве. Где земля, где небо – не различить. Прямо над головой бесшумно взмахнула крыльями птица – то ли голубь, то ли сокол. А может, ему это только показалось. «Разве бывают у земных птиц такие чудесные синие крылья? Разве может их полет быть таким легким и радостным? А может, эта птица парит в ином небе, и сам я уже на иной земле? Впрочем, это не важно. Скоро я все узнаю, но прежде надо отдохнуть, совсем немного отдохнуть».

Голова рыцаря упала на грудь, глаза закрылись. Прозрачная синева охватила его со всех сторон, подняла, убаюкала. Ричард вбирал в себя ее силу, покой, знание. Сливаясь, растворяясь в этой синеве, он переставал быть уязвимым, обремененным ранами и тяжкими раздумьями, временным человеком. Он становился спокойным, мудрым, вечным. Можно ли желать большего?

Синева пространства загустела, на ее фоне стала отчетливо видна серебристо-белая звезда. Ее острый луч, пройдя по лицу, уткнулся прямо в грудь. Рыцарь поморщился. «Почему? Зачем? Снова боль, снова страдания, снова жизнь... Жизнь! Оливия... Жизнь моя, жена моя! Я вернусь!» – слова вырвались из груди неразборчивыми глухими звуками, тело содрогнулось в мучительных конвульсиях. Кровавая пелена застилала глаза. Ричард с трудом разлепил веки. Он снова лежал в грязи на поле брани. Среди убитых товарищей ходили странные существа – то ли тени, то ли монахи, то ли разбойники, то ли крестьяне из окрестных деревень. Они склонялись над телами, что-то там высматривали и брели все дальше, дальше от него.

Преодолевая боль, Ричард приподнял голову и позвал на помощь. Вместо крика прозвучали отрывистый кашель и хрип. Но его услышали. Две тени развернулись и направились к нему. Свет ярких факелов осветил их лица. Они были грубы и некрасивы. Но это были лица людей. Слава Богу!

Оливия сидела у окна с незаконченной вышивкой в руках. Она не отрывала глаз от парящего в небе сокола. Он кружил на одном месте, издавая пронзительно печальные звуки.

«Как жаль, что мы не понимаем язык птиц! Что ты так волнуешься, о чем кричишь? Может, ты принес весточку от мужа?»

Сокол, словно подтверждая ее предположение, сделал последний круг и через минуту исчез из виду.

Оливия прикрыла глаза руками. Надежда... Она все реже посещала ее бедное сердце. Зачем, зачем она является вновь, будоражит воображение, вселяет несбыточные мечты?

Известие о том, что досточтимый сэр Ричард Уэстон погиб в бою на севере страны, пришло сразу из нескольких источников. Оливия верила и не верила в смерть мужа.

Четыре года назад Ричард покинул дом, чтобы сопровождать в поездке графа Эссекса. Их малочисленный отряд попал в засаду, устроенную врагами графа. Сражение с заговорщиками

было коротким и жестоким. На поле битвы полегло немало славных рыцарей. Их тела были погребены там же, на простом деревенском кладбище.

Прямых свидетелей смерти Ричарда не было – кто-то что-то видел, где-то слышал. Известий от мужа тоже не было. Жизнь в поместье замерла.

«Что с нами будет? – печально размышляла Оливия. – Брат не может оставить службу у герцога, верный человек сейчас на вес золота. Тристан изувечен в схватке с разбойниками, о старшем Кьюбите нечего и говорить. Он сам нуждается в постоянном уходе и заботе... Впрочем, у соседей дела немногим лучше нашего. Замки, в отсутствие молодых мужчин и денег, ветшают. Они уже совсем не так неприступны, как прежде. Говорят, в округе появились дерзкие разбойничьи шайки. Своры мелких, ничтожных тварей сколачиваются в небольшие стаи. Вынюхивают, где есть еще чем поживиться, и нападают на усадьбы. Довольствуются и малым. Даже под рыцарскими доспехами может скрываться разбойник. Переживем ли мы это страшное время?»

– Как, ты еще не одета?

Оливия, вздрогнув от неожиданности, оглянулась:

– Я не заметила, как ты вошла в комнату.

– Ты же сама просила сегодня прийти пораньше, чтобы первыми поздравить нашего малыша. Взгляни, что я ему приготовила, – Виолетта показала вышитый золотыми нитями пояс. – Как думаешь, он понравится Артуру?

– Пояс великолепен! Такой сложный узор и нитки чудесные!

– Это из старых запасов.

– Прекрасная работа.

– Все равно она не идет ни в какое сравнение с твоими вышивками. Покажи, что ты сейчас делаешь?

Взяв из рук сестры пяльцы, Виолетта внимательно взгляделась в рисунок.

– Какое странное сочетание красок и такой необычный орнамент. Откуда ты их берешь?

– Не знаю, за вышивкой я думаю только о Ричарде, а рисунок возникает будто сам собой.

Так, наверное, выглядят мои мысли.

– В таком случае тебе в пору удалиться в монастырь. Смотри, от работы к работе все меньше ярких цветов, все строже линии. Да, в этом есть особая прелесть, но...

– Монастырь, – будто не слыша ее, перебила Оливия. – Я не смею и мечтать об этом. С кем я оставлю Артура, матушку, вас...

Тяжело вздохнув, Оливия поднялась и подошла к окну.

– А знаешь, перед твоим приходом я сокрушалась, почему мы не понимаем языка птиц? Только что прямо перед окном кружил сокол. Долго-долго... И я подумала, может, он принес весточку от мужа?

Виолетта, подойдя к окну, обняла сестру.

– Полно тебе, Оливия! Ричарда давно уже нет в живых, и с этим ничего не поделаешь. Надо смириться с этой мыслью и продолжать жить, хотя бы для сына. Ребенок не должен видеть лицо своей матери вечно печальным, он не должен чувствовать себя сиротой.

– Да-да! Ты права, – смахнула слезы Оливия. – Пойдем и поздравим нашего мальчика. Слава Богу, он здоров, крепок, весел. Пусть все горькие мысли останутся только на моих вышивках.

Несмотря на раннее время, у именинника уже были посетители. Первыми пришли дядюшка Тристан и Роджер Сэтон. С горящими радостью глазенками Артур размахивал коротким кинжалом. По ярким бликам света, играющим на лезвии, было ясно: клинок не игрушечный, настоящий!

– Роджер, это вы?!

– Нет, мой подарок гораздо скромней. А это...

– Тристан, как ты мог? – с возмущением набросилась на мужа Виолетта.

– Каждый мужчина в доме должен быть вооружен. К тому же мы вовсе не собираемся оставлять Артура с оружием один на один. Пусть привыкает к нему, осознает его опасность и силу.

– Мама, я буду осторожным. Дядюшка Тристан будет давать его только на занятия. Сэр Роджер, так где ваш сюрприз? – мальчик перевел глаза на Сэтона.

– Подойди к окну, и ты его увидишь.

Мальчик живо подскочил к окну, обернулся через минуту с круглыми от удивления глазами:

– Он мой?!

– Ну, разумеется. Если хочешь, сейчас же пойдем с ним знакомиться.

Все, не скрывая любопытства, выглянули в окно. Посередине двора стояла маленькая лошадка. Она беспомощно озиралась вокруг, нетерпеливо перебирая длинными неуклюжими ножками. Не надо быть хорошим знатоком, чтобы определить ценность этого жеребенка.

– Как он хорош! Роджер, вы балуете мальчика!

– Конь под стать оружию. Теперь у нашего юного рыцаря есть все, чтобы начать серьезное обучение. Итак, пойдем знакомиться с твоим новым другом!

– А как его зовут?

– Ты назовешь его сам, как захочешь.

– Я назову его Орликом, – обернулся к матери Артур. Она опустила глаза.

– Не думаю, что это хорошая идея. Ведь так зовут коня твоего отца.

– Да, но он... Возможно, он... – у мальчика навернулись слезы.

Роджер привлек к себе мальчика.

– Даже если твой отец теперь служит нашему Господу на Небесах, ему нужен хороший конь. Вряд ли он захочет менять своего боевого товарища. Как думаешь?

Артур, вытерев глаза, кивнул головой.

– Тогда я назову своего коня...

– Бураном, – подсказал Тристан. – Вон как ему не терпится пуститься вскачь!

– Так тому и быть! Пойдем, ты скажешь ему об этом сам.

Мужчины поспешили из комнаты. Голос Артура отзывался радостным эхом по всему дому.

– Подумать страшно, что было бы с нами, если бы не Роджер, его опыт, знания. Мужество, с которым он выходил нашего мальчика, достойно удивления и восхищения, – не глядя на сестру, заметила Виолетта.

– Я это помню и буду молиться за него до конца своей жизни.

– Роджера гораздо больше порадовало бы твое согласие провести этот остаток жизни вместе. Согласись, он вправе на это рассчитывать. – Увидев, как сестра, сжав губы, покачала головой, заговорила настойчивей: – Но почему, почему ты отказываешься от его предложения? Разве не он спас Артура от оспы? Разве не он все это время защищал нас от разбойных нападений? Разве не его стараниями процветает наше поместье?

– Ты говоришь так, будто забыла, что он ранил твоего мужа!

– Я ничего не забыла! Рана была нанесена в честном бою. Тристан и даже сэр Кьюбит сумели его простить. И не его прямой удар, а удар исподтишка, удар кинжала разбойника сделал Тристана инвалидом. Не подоспей тогда Роджер со своими людьми, ты не видела бы ни его, ни меня, – последние слова были произнесены с укором.

– Прости. Наверное, я к нему действительно не справедлива.

– Может, тебя смущает его внешность? Но оспа не так уж сильно изуродовала его лицо. К тому же наш лекарь уверяет, что со временем ее следы будут менее заметны.

– Виолетта, о чем ты? Для меня каждая оспинка на его лице драгоценна. Вряд ли он смог бы помочь моему мальчику, не переболей раньше сам! Я готова принять его помощь, отдать часть нашего поместья. Но пойти под венец, предать память мужа – нет!

– Кто тебе говорит, что ты должна его забыть? Это просто невозможно! И Артур должен помнить и чтить память своего отца. Но жизнь продолжается! Да, все мы готовы довольствоваться малым. Но имеем ли мы право не заботиться о будущем наших детей?! Подумай об этом!

– Виола, ты повторяешь матушкины слова. Признайся, ты без конца возвращаешься к этому вопросу по ее просьбе?

– Я говорю только от своего имени. А если мое мнение разделяют и другие, не чужие тебе люди, это означает только одно: оно не так уж и глупо! Впрочем, решать тебе. И разговор этот я завела некстати. У нас сегодня столько хлопот!

– Да, надо предусмотреть тысячу мелочей, ведь мы так давно не принимали у себя гостей!

– Слишком мало в последнее время было поводов для веселья.

– Все мы соскучились по праздникам, по радостным вестям, по общению друг с другом!

Так пусть сегодня все повеселятся на славу!

Глава 14

Наталья крутилась в кресле как на иголках – до сих пор не могла справиться с возбуждением. Еще бы! Все последнее время сидела с Настенькой дома, а тут столько всего и сразу! И поделиться не с кем. Михаил спит или делает вид, что спит. Светлану Александровну не хотелось беспокоить...

Даниил ее просто поразил. Сказать, что он изменился, – ничего не сказать. А ведь не виделись они всего-то один год! Несомненно, он все так же хорош, даже стал еще лучше. Глянул на нее вроде как на свою, и все равно – мурашки по телу! Ничего не скажешь – шикарный мужик!

И все-то у него отлично, и все-то у него есть: известность, удачный бизнес, красивая умненькая жена. Так почему же, глядя на него, так ноет душа? Откуда ощущение, что перед ней человек, у которого все уже в прошлом?

Откинувшись на спинку кресла, Наталья пыталась разобраться со своими мыслями.

До нее, конечно, доходили слухи о Данькиных художествах, но она не очень-то им верила. При каждом приезде мужа в Москву пыталась выяснить, что происходит с его другом. Но он только отмахивался. Один только раз, когда уж очень его доняла с расспросами, нехотя обронил:

– Ничего страшного, переберется. Слава Богу, у Дэнки с головой все в порядке. Просто он слишком долго был на строгой диете.

В результате о разводе Даниила она узнала только из прессы. Долго не могла поверить, думала, это очередная утка. Их развод с Машей отозвался в ней болезненно – почему-то ей всегда казалось, что их судьбы связаны и как будет у Мэген с Даней, так сложится у них с Мишей. Пыталась поговорить на эту тему с мужем, но он сразу темнел лицом и замыкался.

Наташа глубоко вздохнула: «Вот и закончилась еще одна волшебная история любви. Пролетела, просияла яркой кометой... Сказка так и осталась сказкой. Но если такая любовь оказалась столь скоротечной, если такие люди могли отказаться от нее, чего ждать остальным!»

Наталья осторожно, чтобы не разбудить мужа, достала из сумочки валидол. В последнее время без него – никуда. – «Дожили!..»

Михаил сидел с закрытыми глазами, говорить не хотелось. Приезд Натальи, ее свежие впечатления заставили посмотреть на Сокола да и на себя самого со стороны. Весь прошлый год он почти безвыездно провел в Питере. Несмотря на старание врачей, не удалось восстановиться после тяжелой травмы, полученной во время последней игры с канадцами. Даниель предложил стать соучредителем своей компании, занимающейся гостиничным бизнесом. Конечно, он всегда знал, что Сокол достаточно прагматичный человек, но не думал, что настолько. Дэнка вовремя понял: здоровье, молодость, красота, необходимые в большом спорте и кинематографе, не вечны, уже сейчас необходимо думать о будущем.

Как ни условно было их образование в институте, все же определенные знания в области менеджмента и организации производства у них имелись. Главное – было огромное желание попробовать себя в новом деле.

С помощью старых знакомых, занимающих не последние места в администрации города, им удалось в довольно сжатые сроки открыть свою первую гостиницу, потом ресторан. Сейчас в их активе целая сеть ресторанов и гостиниц в Питере.

Крутились с Данькой – вспомнить страшно! Жили все это время бок о бок с ним, и чего только с ними не случалось! Ну, и девицы тоже... Черт знает, как это все получалось. В бизнесе свои законы. Не хочешь, а согрешишь. По правде говоря, они и за грех-то не считали свои

отношения с девчонками. «Ничего не поделаешь, издержки производства, – смеялись опытные партнеры, – и, согласитесь, весьма приятные». Они только забыли сказать, чем за них придется расплачиваться. Уроды... А расплачиваться за «приятные издержки» пришлось, и очень скоро. Незаметно общение с девицами вошло в обычное, в кровь. Как наркотик: ты уже осознаешь всю опасность этой привычки, а отказаться не можешь. Кто бы мог подумать, что они попадутся на этот крючок, как последние лохи! Незаметно, между делом, разбазарили то, что собиралось годами. Продали себя ни за грош.

Господи, а сколько сил было положено, чтобы прожить свою, не похожую на других, жизнь! Сколько препятствий преодолено, чтобы доказать право на собственное счастье. И оно у них было, может, нелегкое, но настоящее, свое. Они завоевывали его вместе, шаг за шагом. Взять хотя бы первый приезд Маши в Россию. Ее вместе с другими членами группы пригласили в Питер на премьерный показ фильма.

Они с Натальей делали возможное и невозможное, чтобы визит прошел благополучно. Как они старались сгладить многочисленные углы российской действительности! Мэген ведь даже не подозревала, насколько жестче и сложнее жизнь в России. Люди, брошенные на произвол судьбы, остервенились – тут не до прекраснотушия. Не жалели ни себя, ни других. Учитывая эти обстоятельства, предстоящее знакомство Мэген с Дэнскими друзьями по спорту казалось весьма рискованным мероприятием. В Питере устраивалась большая тусовка по поводу окончания сезона. На нее пригласили и Маргарет. Михаил волновался: одно дело – близкие друзья Сокола – они знают, любят Мэг; совсем другое – не знакомые с ней, но уже критически настроенные люди.

– Да они друг к другу-то по-хорошему относятся через раз, – разделяла опасения мужа Наташа.

Михаил, разумеется, провел кое с кем разъяснительную работу, но все равно нервничал ужасно. Мэген запаздывала. Ребята за соседним столиком стали подшучивать: – Что-то наша молодая задерживается! Может, рассыпалась по дороге? – Даниил раздраженно попивал минералку. Хорошо, что рядом был Никита Андреевич. Он, как никто, умел успокоить своего ученика. Наконец, Маша позвонила. Сообщила, что самолет немного задержался и теперь прямо из аэропорта они едут в ресторан. Кто такие «они», Мэг не пояснила, но это были уже детали. Данька заметно повеселел.

– Чего вы ржете? – не переставал изгаляться Петька Сафронов, завязанный каверзник и остролов. – Вот сейчас прогремит гром, затрясется земля, появится карета – и вместо лягушонки в коробчонке появится красна девица! – Смеялся он, как оказалось, зря – все почти так и вышло. Сразу после его слов двери ресторана распахнулись и на пороге появились трое молодых людей: две девушки и высокий парень. На вновь прибывших направили свет прожектора – женская часть зала ахнула. В молодом человеке сразу узнали популярного артиста, милашку, сердцееда Джона Колемана. Обе девушки были примерно одного роста и возраста. Дэн быстро подошел, поцеловал обеих, подхватил одну из них, и они вихрем ворвались в толпу танцующих. Все решили, что это и есть его жена. Джон не растерялся и последовал примеру Дэна: увлек другую гостью танцевать. Но на них мало обращали внимание, все сосредоточилось на Данькиной жене. Женская часть не преминула отметить, что румянец у девушки слишком яркий – переборщила с гримом. Глаза неестественно блестят – наверняка чем-то закапала. Ну, а пышная прическа, натурально, плод многочасовой работы парикмахеров.

– Рот великоват, видно, перетянули беднягу на очередной подтяжке, – ехидничали девчонки.

– Слишком тоща, – вынесли безжалостный вердикт и мужчины. – Искушила себя, стала как вобла, посмотреть не на что.

На другую девушку, выдающую с Джоном умопомрачительные коленца, смотрели с восхищением:

– Вот это – совсем другое дело, класс! Подвижна, естественна, легка... Ни одной массажистке не под силу вернуть зрелому телу такую гибкость!

Когда кончилась музыка и гости уселись за стол, Никита сказал несколько приветственных слов:

– Думаю, наши гости не нуждаются в особом представлении, тем не менее... Прошу любить и жаловать – Джон Колеман. – Джонни слегка привстал и непринужденно раскланялся. – Кристин Милау. В этом фильме – ее дебют. Уверен, он будет успешным. – Из-за стола поднялась та, что танцевала с Дэном. По залу прошла волна удивления. Кристин кокетливо помахала пальчиком, привычно улыбнулась, блеснув ослепительно белыми зубками.

– Мэген, жена нашего Даниила, – обнял гостью Никита.

– Полный абзац! – подытожил реакцию зала все тот же Петька. Все рассмеялись и... оттаяли. А что оставалось делать? Ведь большинство из них уже высказали свое лестное мнение в ее адрес – не пристало теперь отказываться от своих слов. От имени гостей выступила Мэген. Голос у не был тихим: чтобы расслышать ее, все были вынуждены замолчать. Вместо высказывания ожидаемых дежурных, ничего не значащих фраз, Мэген искренне и просто поблагодарила ребят за радость, которую они доставляют своим мастерством зрителям. Выразила свое восхищение талантом спортсменов, их трудолюбием, стойкостью, преданностью избранному делу. Ей удалось переломить настроение зала, растопить лед предубеждения. (Это были вынуждены отметить даже самые непримиримые критики.) Потом они много танцевали, пили, разговаривали. Мужчины, почувствовав на себе флюиды женского обаяния Мэг, в один голос твердо заявили: – Вот это женщина! И не важно, сколько ей лет, хоть сто! Она молода, интересна, соблазнительна. С ней никогда не соскучишься. – Девушки не могли не признать ее очарования, ума, естественной манеры держаться. Кроме того, каждая из них втайне подумала и о себе: «Может, действительно, возраст – это не столь фатально?». К концу вечера врагов у Мэген не оставалось. Что ни говори, но все они были прежде всего профессионалами, артистами. Каждый из них работал на пределе возможного. Они, как никто, понимали, чего стоило Мэген выдержать это испытание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.